

РАДУГА,

ЖУРНАЛЪ

**ФИЛОСОФІИ, ПЕДАГОГИИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

СЪ

присовокупленіемъ

**ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,**

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Книжка двѣнадцатая.

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ Типографіи наслѣдниковъ Линдфорса.

РАДУГА,

ЖУРНАЛЬ

ФИЛОСОФІИ, ПЕДАГОГІИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

съ

присовокупленіемъ

ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Переплетъ третій.

Книжки девятая, десятая, одиннадцатая и двѣнадцатая

РЕВЕЛЬ. 1852.

Въ Типографіи наследниковъ Линдфорса.

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 16. Januar 1833.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

Regierungs-Rath Baron v. Rosen,
in Abwesenheit des Censors.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
Герменевтическое разсуженіе о Созданіи міра, пачъ изъясне-	605
ніе прехъ первыхъ дней Творенія міра. Окон.	628
Іоаннъ Богословъ образецъ педагогамъ	628
Исахаръ, или почиваніе посреди предѣловъ	640
Къ Брату П. Е. Грсиу	655
Вечеръ	654
Переводъ Корана съ подлинника	655
Опытъ преподаванія Математической Географіи дѣтямъ.	
Прогулка вторая	662
Два письма Песнаюцци къ Циокке	666
Число жителей на землѣ по вѣрамъ	669
Нополеонъ и колокола	670
Ученая терминологія	671
Крипикъ Пѣмедкіе и Русскіе	672
Сократъ	673
Меп а	674
Казанскій Соборъ	674
Слово въ день Тезоименичества Благочестивѣйшаго Госу-	
даря Императора Николая I.	676
Свидѣтельства язычниковъ о Иисусѣ Христѣ	688
Хлѣбъ и конфеты	701
Могла, удавленника	702
Православное состояніе жителей Сѣверо-Американскихъ	
соединенныхъ шпановъ	704
Бѣдный	720
Колодезная вода и облака	721
Байронъ въ Греціи	722
Золотой вѣкъ Христіанъ	726
Смешенъ о Спасителѣ	727
Христіанское имя	728
Mysterien des innern Lebens	728
Слово о достоудожномъ чадѣ воспитаніи	752
Свидѣтельства язычниковъ о Христѣ	745
Основаніе Педагогическаго Блаженнаго Августина	755
Волкъ въ чинѣ, (Басня)	755
Замѣчанія на опривки о Системѣ Наукъ, приличной дѣт-	
скому возрасту	756
Изъ Альбома	791
Война противъ суевѣрій	792
Замѣчаніе на теософическія положенія о возможной сущ-	
ности природы и пр.	795
Свидѣтельства язычниковъ о Иисусѣ Христѣ	808
Замѣчанія на опривки Г-на Яспребцева	814
Различіе между Епикурейскою мудростію и Сипоническою и	
Христіанствомъ	829
Карлъ Подье	852
Романъ	845
Что есть любовь?	844

Гекимъ-Баши Дмитрій	845
Сужденіе Локка объ умствѣнномъ воспитаніи	855
Мужикъ, собака и лошадь. Басня.	859
Рапшикъ	860
Назначеніе человека	864
Байронъ о Библіи	865
Изъ перепіски съ авиаторомъ кнieni: о испальни Святыхъ мощей	866
Извѣщеніе	868

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
Обозрѣніе Эстл. въ хозяйственномъ отношеніи за 1831. г.	125
Письмо Минирополита Платона, когда онъ былъ еще Ар- химандритомъ, къ Родде, Секретарю и Переводчику въ Ригѣ	153
Обозрѣніе Эстляндіи въ хозяйственномъ отношеніи за 1831. годъ. (Оконч.)	156
Свадебные обряды Эстловъ	159
Предписаніе Ревельскаго Магистрата о Торжествованіи гражданскихъ свадебъ	145
Топографическое обозрѣніе Остѣ-Зейскихъ Губерніи до при- бытія плуда Нѣмцевъ	797
Краткая характеристика жителей Остѣ-Зейскихъ Про- винцій въ началѣ XII вѣка	806
Латышскія свадьбы	869
Задачи Дерптскаго Университета на 1853. годъ	875

Р А Д У Г А.

СВИДѢТЕЛЬСТВА

язычниковъ о Христѣ.

(Окончаніе).

О свидѣтельствѣхъ, приписываемыхъ Пилату, не станемъ упоминать. Но очень замѣчательно извѣстіе, оставленное намъ Опцемъ Церкви, жившимъ во второмъ вѣкѣ въ Римѣ и бывшимъ долго въ язычествѣ, извѣстіе, которое послѣ повпоряли и другіе. Онъ рассказываетъ, что Пилатъ послѣ распятія Христа, убѣжденный дивными происшествіями сопровождавшими распятіе, доносилъ объ немъ Императору Тиберію, какъ о божественномъ существѣ, и что Императоръ Тиберій предлагалъ Сенату (впрочемъ безъ успѣха, по причинѣ сильнаго сопротивленія Сенаторовъ), принять Христа въ число боговъ. Что кпо ни говори объ этомъ извѣстіи, но оно сообщаетъ дѣло очень воз-

можное. Даже невѣроятнымъ можно почеснѣ, чѣобы Прокураторъ, судя по всему, чѣо мы чѣпаемъ въ Евангеліи объ немъ, — о великомъ движеніи народа, возведемъ Спасителя на крестъ, и о чудесахъ бывшихъ при смерти Христовой, чѣобы Прокураторъ не сдѣлалъ объ этомъ происшествіи никакого донесенія своему повелителю, о происшествіи, которое, могло бы побудить Правительство къ изслѣдованію дѣла и сужденію его самого, еслибъ онъ умолчалъ объ немъ и если бы оно, чѣо было неизбѣжно, само сдѣлалось гласнымъ въ Римѣ. Многіе старинные ученые, которые у Эккарда исчислены, подтверждаютъ различными доводами достовѣрность сего Тертульянова извѣстія.

Чѣо предложеніе Тиверія (который въ послѣдствіи привыкъ принимать прошиворѣчія отъ Сенапа) не было принято, очевидно основывается на особомъ дѣйствіи Промысла Божія; ибо предлагаемо было не то, чѣобы Римляне сдѣлались Христіанами, а чѣо бы Христосъ, подобно героямъ и царямъ, былъ присоединенъ къ сонму Римскихъ боговъ.

Очень замѣчательно это извѣстіе Терпуліана, если снести его съ мѣстомъ въ Евангеліи Іоанна гл. 79, ст. 7 и пр.: «и Іудеи отвѣчали ему: мы законъ имѣемъ и по закону нашему долженъ

онъ умереть; потому что онъ сдѣлалъ себя сыномъ Божиимъ. Пилатъ услышавъ сіи слова, больше испугался. И опять вошелъ въ Преторію, и сказалъ Иисусу: «откуда ты?» — Очевидно, что здѣсь вопросъ *откуда ты?* не значитъ — изъ какой страны? — а долженъ значить: какого ты происхожденія? Богъ ли? полубогъ ли? После слѣдующаго за сими словами поведенія Христова Пилатъ еще болѣе спалъ стараться объ освобожденіи Его; сонъ жены его къ тому же присоединяется. Наконецъ являющіяся знаменія при казни Христовой, и Топъ, Котораго онъ самъ объявилъ праведнымъ, возсѣдаетъ изъ гроба, ибо это безъ сомнѣнія должно было дойти до свѣдѣнія Правислѣя, не смотря на то, что стражи были подкуплены.

Праведнымъ человѣкомъ называетъ Христа и сонникъ, бывшій во время распятія на стражѣ у креста, (говоря объ немъ съ Пилатомъ) и вѣривъ тому что Иисусъ былъ сынъ Божій, между тѣмъ какъ Пилатъ только еще спрашивалъ о томъ.

До того, Лонгиномъ ли назывался этотъ сонникъ или какъ либо иначе, намъ нѣтъ дѣла. Не говоримъ мы и о письмѣ, которое Лентулъ, предшественникъ Пилата, будто бы писалъ въ Римскій Сенатъ и въ которомъ описывалъ наружный видъ Иисуса Христа.

Обращаемся къ Иудейскому историкѣ Иосифу Флавію.

Флавій Иосифъ, какъ его Римляне называютъ, родился въ 37 году послѣ Р. Х. въ Иерусалимѣ, и былъ изъ рода Левитовъ. Будучи юношею посѣщалъ онъ школы прехъ тогдашнихъ Иудейскихъ сектъ: *Фарисеевъ*, *Саддукеевъ* и *Эссеянъ*; потомъ ходилъ въ ученіе къ строгому опшельнику Вану, наконецъ однакоже опять приспалъ къ главной сектѣ *Фарисейской*. Потомъ отправился въ Римъ; изъ Рима былъ онъ посланъ въ Галилею для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ, при чемъ оказалъ благоразуміе и храбрость. Когда городъ *Иотана* взятъ Римлянами, то и онъ попался въ плѣнъ къ Веспасіану, изъ котораго однакоже скоро былъ освобожденъ за то, что предрекъ Веспасіану царство, которое предсказаніе черезъ два года дѣйствительно сбылось. Веспасіанъ далъ ему прозваніе *Флавія*. Въ послѣдствіи былъ онъ при осадѣ Иерусалима Титомъ, при чемъ былъ употребленъ для переговоровъ съ Иудеями. Онъ кончилъ жизнь при Имп. Домиціанѣ въ Римѣ, гдѣ занимался составленіемъ историческихъ своихъ сочиненій. Въ 18й книгѣ *Иудейскихъ древностей* свидѣтельствуемъ она слѣдующимъ образомъ о Христѣ.

«Въ это время жилъ Иисусъ, мудрый человекъ, если можно назвать его человекомъ; ибо онъ былъ чудотворецъ, и училъ людей, съ радостью принимающихъ истину, и приобрѣлъ многихъ изъ Иудеевъ, многихъ и изъ Грековъ (язычниковъ) въ послѣдователи. Онъ былъ Христосъ. Даже и послѣ того, какъ, по обвиненіи его знаменѣйшими людьми нашими, Пилатъ присудилъ его къ кресту, все не оставляли его тѣ, которые его прежде любили. Ибо онъ явился имъ на третій день оная живымъ, что, вмѣстѣ съ тысячею другими чудесами объ немъ предвѣщали пророки. Названный по немъ родъ Христіанъ и до сихъ поръ еще не пересталъ существовать.»

Объ этомъ мѣстѣ очень много писано. Иные въ подлинности его вообще сомнѣвались; иные видѣли въ немъ позднія вставки; находили его не сообразнымъ съ образомъ мыслей Іосифа и пр. Но многіе Отцы Церкви читали его въ самыхъ древнихъ рукописяхъ Іосифовыхъ сочиненій; и сверхъ того Іосифъ означилъ въ концѣ сочиненія своего о древности число всѣхъ спроекъ онаго; да и нынѣ мѣста въ книгѣ, при которомъ бы можно было побудиться счесть это мѣсто за излишнее.

И что могло бы быть здѣсь вставлено? Воскресеніе? Но его допускали вообще Фарисей

(Дѣян. Апостл. 23, 6—9). Или сверхъестественная природа Христа? Но извѣстно какое высокое мнѣніе имѣли о Христѣ и самые Римляне, очень хорошо знавшіе, что Христиане почишають его Богомъ. Знаменито письмо *Плинія младшаго* о Христіанахъ къ Императору Траяну. Онъ писалъ его будучи Правителемъ Виенни и Понта, гдѣ нашель множество вѣрующихъ. Давая имъ въ письмѣ своемъ чрезвычайную похвалу, онъ не мало содѣйствовалъ къ смягченію жестокаго обхожденія съ ними Римлянъ и если бы не существовало это высокое мнѣніе о Христѣ между Римлянами, то какъ бы могло нѣкошорымъ Императорымъ принятии на мысль, помѣстить его въ число боговъ? Выше уже было замѣчено о такомъ намѣреніи Тиверія. Объ *Адріанѣ* и *Александрѣ Сѣверѣ* рассказываетъ поже *Элій Лампридій* въ жизнеописаніи послѣдняго. Вошъ слова его: «Александръ хотѣлъ воздвигнуть храмъ Христу, и принявъ его въ число боговъ; что, какъ говорятъ, намѣренъ былъ сдѣлать и Адріанъ, построившій во всѣхъ городахъ храмы безъ божескихъ изображеній, кошорые нынѣ потому и называются Адріановыми храмами, что не имѣють никакихъ божествъ; онъ ихъ построилъ, какъ говорили для этой цѣли, но ему препятствовали люди, кошорые

по совѣщаніи съ святынею (*consulentes sacra*) нашли, что, еслибы желаніе его исполнилось, то всякій бы сдѣлался Христіаниномъ, и прочіе храмы были бы оспавлены.» Нѣкоторые думаютъ, правда, что Адріанъ построилъ сіи храмы для собственнаго своего обоготворенія, по слова Лампрідія явно противоречатъ сему мнѣнію. Что касается до гощенія на Христіанъ то стоить только вспомнить, что Адріанъ лишь сначала не благоволилъ имъ, а въ послѣдствіи былъ къ нимъ очень расположенъ. Объ Александрѣ Северѣ говоритъ Лампрідій далѣе, что онъ часто въ упренніе часы совершалъ богослуженіе въ своей домашней молельнѣ, гдѣ были и обоготворенные Императоры, но избраннѣйшіе, лучшіе, и святыя души, между коими былъ и одинъ Аполлоній и, какъ свидѣтельствуемъ одинъ писатель его времени, Хриспосъ, Аврамъ и Орфей и симъ подобныя боги, вмѣстѣ съ изображеніями его предковъ.» Замѣчательно также что сей Государь, по свидѣтельству того же писателя, избралъ себѣ въ правило Христіанское изрѣченіе: Чего не хочешь чтобы тебѣ дѣлали, того не дѣлай и другимъ.» и что велѣлъ его написать у себя на дворцѣ и на разныхъ публичныхъ зданіяхъ. Нѣкоторые наконецъ думали, что онъ вмѣстѣ съ матерью своею Маммеею былъ тайнымъ Христіаниномъ

Прекращаемъ здѣсь спашью Г. Мейера (изъ Blätter f. h. W.); далѣе указывающія свидѣтельства, въ коихъ не обнаруживаеиъ какъбы невольное вѣрованіе язычниковъ въ божественность Іисуса Христа, но гдѣ напрошивъ Лукіанъ Самозашскій и Цельсъ только свидѣтельствуютъ, что Христиане Христу всегда поклонялись какъ Богу. Въ этомъ нечего сомнѣваться.

ЗАМѢЧАНІЯ

на опривки

Г. Ястребцевъ.

Пятое Замѣчаніе.

О Ювеналомъ изрѣченіи «зравый умъ еѣ здоровою тѣлою» (mens sana in corpore sano) замѣтимъ, что не видимъ причины, почему здѣсь надобно разумѣть подъ словомъ ума душу вообще какъ полагаетъ Г. Ястребцевъ? Намъ кажется, что Ювеналь здѣсь! именно умъ разумѣлъ; иначе онъ не сказалъ бы этого изрѣченія. Если бы онъ разумѣлъ здѣсь душу, то на что бы говорилъ здравая душа въ здоровомъ тѣлѣ? Тѣло естъ преходящая наружность души: слѣдовательно, сказавъ здравая душа, я

въ поже время уже сказалъ и *здравое тѣло*. (Прип. 5, 7.) Но послѣ паденія гармоническое приединство души распадается на разногласное двойство оказывающееся *духомъ* и *душею живого*. Ювеналь безъ сомнѣнія смолпрѣлъ только на падшаго человѣка; а пакъ какъ въ духъ заключаешся и умъ, а душа жива, какъ самодѣятельная особность души, дѣйствуемъ и посредствомъ ксѣхъ тѣлесныхъ органовъ, по онъ, хопѣвши сказать *духъ здравый со здоровою душею живого* (что значило бы просто *здравая душа*), но не имѣя споль яснаго Христіанскаго понятія, сказалъ *умъ здравый въ здоровою тѣлѣ*. Видя въ паденіи только двѣ разнородныя спороны въ человѣкѣ, двѣ вовсе почти разъединенныя души, мужескую и женскую — духъ, дѣйствующій въ высшихъ кругахъ тѣла, и душу живу, дѣйствующую въ низшихъ тѣлесныхъ кругахъ, и предполагая совершенно разнородныя предназначенія для каждой изъ нихъ, мы и разсмашируемъ ихъ опдѣльно и опдѣльно воспишываемъ. Но что изъ этого выходитъ? Умъ развивается у насъ до степени Доктора Философін, и пр., а душа жива совершенствуется до степени опличной кухарки. Прекрасная чета! Вмѣсто того, чтобы: пылая одною и той же жизнью, идши рука въ руку по пути жизни, одинъ улетаешъ за облака на ледяныя горныя

вершины, пѣвшихся опшуда карпинкой раскнупаго передъ нимъ міра, а другая, возясь въ кухнѣ съ капустою, картофелемъ и пр., воображаетъ, что въ этомъ состоишь вся цѣль бытія ея. Такъ живешь чепха — духъ и душа жива или духъ и шѣло, особенно въ докторски ученой Германіи.

Но пусть шопъ, кпо извнѣ смопришъ на челоуѣка и снаружи воснишываетъ его, пусть себѣ шопъ и настоящій идеаль предпоставишь, пусть себѣ предположишь въ гармоническое созвучіе привесни разъединенныя спороны, — онъ не достигнетъ сей цѣли. Лишь внушрелее воснипаніе, лишь равносильное влеченіе обѣихъ оппадшихъ споронъ къ общему ихъ средопочію, *къ идеалу первозданнаго челоуѣка*, который намъ черезъ воплощеніе Бога снова указанъ и лишь чрезъ пресѣченіе всякаго вліянія внѣшнихъ силъ и ихъначаль на каждую изъ сихъ споронъ можешъ произвесни жемаемую гармонию, сколько это можно на землѣ: И когда такимъ образомъ и черезъ сіи средства произведена сія гармонія, тогда обѣ спороны могушь на сколько угодно удалиться одна отъ другой: онѣ нигдѣ не будушь разъединены, вездѣ будушь служить одна другой соупницами: пруждаясь въ глубинахъ земныхъ, душа жива избавленная, или жизнь обновленная, или Ева

новозданная — будетъ уже не одна, не покинутая Адамомъ; обновленный Адамъ, духъ изъ Бога возродившійся — будетъ сопруждать ей, какъ неразлучный другъ ея, какъ вѣрный спутникъ ея, и издали, даже съ астрономической обсерваторіи, если судьба Божія завлечетъ его туда; и духу возрожденному, Адаму обновленному — вездѣ будетъ сопутствовать его вѣрная Ева, несвоевольный, а ему покорный другъ его; и на астрономической обсерваторіи его и въ кабинетѣ ученомъ и въ бранномъ пылу — вездѣ она будетъ его Ангеломъ - спутникомъ, въ каждой чертѣ грифелемъ, въ каждомъ движеніи пера, въ каждомъ взмахѣ сабли — она будетъ въ немъ и съ нимъ, какъ внутреннѣйшая жизнь его; и если бы, какъ Илія, онъ живой былъ взять на небо, она не покинула бы его, какъ и онъ тяготѣннѣю земли уже неподвластная; съ нимъ, съ нимъ, какъ пеплоша со свѣтомъ въ лучѣ солнечномъ, умчалась бы она въ надземные предѣлы.... Но гдѣ взять словъ хоща для очерка того небеснаго, высренняго сіянія, въ которое приводишь разпадающіяся спороны чловѣка пы, лишь пы, святое воснипаніе вѣрою Христовою! Лишь въ уладительномъ біеніи груди благоговѣющей способенъ чловѣкъ ощущать, въ какое море блаженства пы, святое воснипаніе! погружаешь его: скажешь что чувствуешь — онъ нѣтъ....

Шестое Замѣчаніе.

»Сія Способности,» т. е., умственные, нравственные и физическія, «конечно могутъ развиваться въ различной мѣрѣ, но не иначе, какъ одна на щепъ другихъ, и по до нѣкоторой только степени, не далѣе: вошъ сила правила. Слишкомъ великое развитіе какихъ либо способностей человѣка есть какъ бы сверхъестественное состояніе, родъ болѣзни.»

Что это за правило, которымъ опредѣляется дѣлать что нибудь до *нѣкоторой* только степени, не далѣе? Что значитъ *слишкомъ*, которымъ преснуается это правило? И какъ примѣнить это правило на примѣръ къ нравственнымъ способностямъ? Что на примѣръ значитъ усовершенствованіе любви къ Богу и любви къ людямъ до нѣкоторой степени? Можно ли довольствоваться какою бы то ни было степенью въ усовершенствованіи способности любить Бога и любить ближнихъ? Можно ли сказать: въ такомъ то человѣкѣ слишкомъ развита способность любить Бога и ближняго? — Пусть любовь есть не способность души, а состояніе ея, то состояніе, когда она жаждетъ чего-то: Но къ этой жадѣ чего-то вѣдь должна же она быть способною. Спрашивается: до какой же, не

даже которой же степени должна быть развита эта способность? Можетъ ли человекъ хоть въполнѣ быть способнымъ любить Бога и ближнихъ, не только слишкомъ?

Можно не алкать и не жаждать чего нибудь либо опятъ сытости, либо опятъ неспособности. Но гдѣ поэтъ человекъ, который бы могъ сказать, что онъ насытился Богомъ? А еслили нѣтъ такого человека, то спало бы все болѣе или менѣе неспособны алкать и жаждать, т. е., любить Бога. И дѣйствительно: гдѣ поэтъ человекъ, который могъ бы сказать, что онъ способенъ алкать и жаждать Бога, что всею душою ищеть любить Его? Опятъ чего это? Опятъ того ли, что въ людяхъ вовсе нѣтъ способности любить Бога, или опятъ того, что она не развита? Не нѣтъ и не неразвита, но подавлена и заглушена способностями любить противоположное Богу. Духъ плъмы пробудилъ и развилъ въ человекѣ способности любить его, во всѣхъ очаровательныхъ его видоизмѣненіяхъ. Способность любить изящное всесовершенное, способность любить истину превѣчную, способность любить благо всеоживляющее, — все сн способности въ насъ дремлютъ, а бодрствующи способности противоположныя. Не развиваемы они должны быть въ насъ и не создаемы, а только пробуждаемы. Пробужда-

юпсяже сін способности по мѣрѣ умерщвленія прошивуположныхъ имъ. Такъ, на пр., способность любить истину, не боясь лишенія выгодъ мірскихъ, пробуждается по мѣрѣ умерщвленія прошивуположной ей способности, т. е., способности любить ложь, если того и претбуютъ выгоды. Точно такъ пробуждается способность любить изящное и способность любить благое. Въ иномъ такъ сильны способности любить не изящное, не благое и не истинное, что возбуждаются при малѣйшемъ поводѣ. Въ иномъ до такой степени совершенна вся совокупность способностей любить все прошивное Богу, что онъ можетъ быть названъ нравственнымъ гениемъ нечистой любви: Все это гениальное совершенство должно быть — убито, если должно быть снова пробуждено въ немъ стремленіе къ прошивуположному совершенству. — Гдѣ же нѣкошорая степень, до которой должно, пробуждать нравственные способности? Гдѣ же степень, на которой пробужденіе Христіански-нравственной способности должно быть названо излишнимъ, когда для этого пробужденія должно быть безъ-условно умерщвлено прошивуположное?

Между смертию и воскресеніемъ, точно такъ какъ между Египтомъ и Ханаанскою

землю, есть промежутокъ, предѣлъ. Можно умереть всеми способностями, пропавшими Христіанству, и еще не воскреснуть способностями Христіанскими, а почивать посреди предѣловъ, подобно Иссахару, или лежать въ гробу. Это состояніе есть мертвая середина. Чтобы быть членомъ Христова тѣла, который есть вѣчная жизнь, надобно быть живымъ, такъ живымъ, какъ Онъ былъ живъ, надобно перестать бывъ мертвымъ зданіемъ ничтожества, а сдѣлаться живымъ храмомъ Духа Святаго. Гдѣ здѣсь тѣкощая степень, до которой должна усиливаться въ человѣкѣ эта Христіански-нравственная жизнь? Гдѣ та степень, на которой жизнь сію можно называть излишнею? — Сверхъестественна такая жизнь, не *какбы* сверхъестественна; но не ужели это сверхъ естественное состояніе есть *родъ болѣзни*?.... Авторъ самъ опречется отъ словъ своихъ, если сообразить, какъ правотѣрный Христіанинъ, что сказалъ. Возможно ли въ нашъ вѣкъ, когда Богъ еще недавно сверхъестественнымъ чудомъ далъ поученіе умничающему уму нашему, открывъ намъ чудотворно-живыя останки Минирафана, возможно ли въ эпоху вѣкъ называть одинъ и тотъ-же предметъ и *какъ бы* сверхъ естественнымъ состояніемъ и *родомъ болѣзни*? Да и

что же такое была жизнь Спасителя на землѣ по воскресеніи, какъ не сверхъ естественная жизнь? Поспѣжима ли она по естественнымъ законамъ? — —

Возьмемъ для примѣра развитіе другихъ способностей, способностей ума на пр., или другихъ частныхъ или высшихъ способностей. Совершенство ихъ, какъ мы показали въ прежнихъ книжкахъ Радуги, необходимо намъ не для насъ самихъ лично, а для служенія нашего ближнихъ. Если человекъ собственно для себя разовьетъ какія нибудь способности свои, хоть, на пр., умственные, нацѣль другихъ способностей, то онъ безъ всякаго сомнѣнія боленъ. Но боленъ онъ и тогда, когда развиты въ немъ и *всѣ* частныя способности, и *не пробуждена* одна общая способность, способность любить Бога, — способность, изъ которой, если она достаточно пробуждена, сами собою произрастаютъ и развиваются, какъ дерево выросшее изъ семечка, всѣ прочія способности. И въ первомъ случаѣ и во второмъ онъ боленъ, и потому уже боленъ, что какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ онъ язычникъ, ибо кумиромъ себѣ сотворилъ частное или частныя совершенства. Боленъ онъ въ обоихъ сихъ случаяхъ какъ душою такъ и тѣломъ, ибо спалъ

вѣнчавъ, опъ древа жизни оторванною. — Если же онъ, желая усовершенствовать себя на служеніе ближнимъ и сохраняя непрерывно въ пробужденномъ состояніи главную свою способность, способность любить Бога, разовьеть до высочайшей степени возможного совершенства хотя бы и одну какую нибудь частную свою способность, на щепъ всѣхъ другихъ способностей, — то не уже ли онъ тогда долженъ назваться больнымъ? Этого безъ всякаго сомнѣнія не захочетъ утверждать авторъ отрывковъ. И въ другихъ мѣстахъ онъ утверждаетъ даже тому противное. Но это выходящъ изъ приведенныхъ словъ его. Мечталъ въ новѣйшее время знаменитый Песталоцци (помъ самый Песталоцци, чью Швейцарскую школу когда-то и у насъ въ Россіи почитали иные какъ-бы какимъ-то живымъ родникомъ, изъ котораго будтобы истекала самая чистая и цѣлебная вода воспитательнаго омовенія), мечталъ онъ, что Педагогія должна принять за основное свое правило: *воспитывать всего человека*. И оно безъ сомнѣнія, кромѣ, конечно рѣдкаго, самоопроверженнаго челоѣколюбія его, содѣйствовало къ прославленію педагогической теоріи его между современниками. Плѣнительна эта мечта: но можетъ ли что-нибудь быть вздорнѣе ея? Воспитаніе *всего* меня для *меня*

самого — мнѣ не нужно; восприниманіе всего меня для ближнихъ — не только бесполезно, но даже вредно; ибо, когда уже, по пословицѣ, за двумя зайцами, погнавшись, ни одного не поймашь, то не смѣшенъ ли будешь охотникъ, который вздумашь погнашься вдругъ за всеми звѣрями хотя своего только окопника? И что бы вышло изъ общественныхъ организаций, если бы всѣ отдѣльные члены ихъ воспитывались не для особенныхъ, частныхъ назначеній, а всѣ для одного, общаго назначенія? Тоже что съ бочкою пива, если взболтаешь ее: дрожжи поднимутся къ верху и смѣшаются съ чистымъ, опесочившимся пивомъ, и не будешь — ни пива ни дрожжей, а выйдетъ мушлат брага.

Не много разумеется хочешь авторъ опрыскать. И нигдѣ не выказывается у него слишкомъ явно та психика, которую привезли съ собою филантропы наши, возвратившись изъ ученыхъ путешествій своихъ, или изъ Французской компаніи домой. Эти психуютъ, что у насъ мужики не читаютъ газетъ, не боятся появленія разрушительницы кометы, або не знаютъ не только, что ученые пронахли въ гибельные для земли замыслы сихъ пѣлъ небесныхъ, но даже, что существуютъ въ мирѣ сіи воздушныя извѣдницы; они грус-

пяти о томъ, что наши мужики не объясня-
юшъ сами себѣ Библии и что дѣтей своихъ
не отдаюшъ въ Университетъ шпудированъ,
что ведутъ щепы свои зарубками или мѣло-
выми черпочками, креспиками и кружками на
дверяхъ и стѣнахъ и повѣряюшъ ихъ какимъ-
шо Азіатскимъ образомъ на коспочкахъ ка-
кихъ-шо щеповъ, не имѣя въ саѣпошъ своей
понимія ни объ алгебраическихъ выкладкахъ
ни даже о цыфирномъ тройномъ правилѣ; и
пр. и пр. Есть иныя Филиппины между ни-
ми, которымъ до смерти хотѣлось бы осу-
ществить маленькій новый Іерусалимецъ, что
завелъ-было; лѣтъ 20 что ли тому назадъ,
въ Германіи очень извѣстный, Паспортъ Обер-
линъ, гдѣ шо въ южной Франціи. Многолѣт-
ними трудами своими и, правда, достойною
уваженія, самоопроверженною любовью къ ближ-
нимъ, успѣлъ онъ одно или два самыхъ бѣд-
ныхъ селенія до такой степени возвысить,
что мужики не только завели у себя разные
мануфактурныя учрежденія, но даже имѣли до-
черей, которымъ имѣли понимія объ изящныхъ
искусствахъ, о Географіи, объ Истории и пр.,
а сами говаривали даже ссылаясь на древнихъ
классическихъ авторовъ; — безъ сомнѣнія
шпакшоваши и о современныхъ политическихъ
произшествіяхъ, о коммашъ и пр. Эдакал

благодарить, подумаешь! А у нас мужички болѣе ничего не знаютъ и не умѣютъ, какъ только быть попросу благоразумными, работающими, преданными, добрыми, богомольными, и такъ невѣжесквины, что благодарить Бога за судьбу свою и молясь радушно за правителей своихъ, подъ господствомъ которыхъ — живутъ припеваючи. Но это все мы говоримъ не на счетъ новыхъ педагогическихъ правилъ Г. Яспребцева; изъ нихъ не выводится такой крайности. Только: что, если бы правила эти спашь проповѣдовать мужикамъ нашимъ, если бы спашь имъ показывать, что они, не смотря на широкія плечи и полныя румяныя лица, — *нездоровы?* нездоровы потому, что въ нихъ не развиты способности писать стихи, читать *Біологическое изслѣдованіе Природы*, танцевать и пр., а только развиты способности пахать, боронить, и ш. п. и главная способность — любить Бога и ближняго? что бы заговорили они, еслибы предсказано имъ было болѣзненное состояніе ихъ? Разумѣется, большая часть сжала бы смѣяться. А только нашлись бы и такіе, которыхъ бы плѣнила прекрасная мечта о здоровомъ состояніи. Сначала бы они пришли въ восторгъ отъ живописнаго идеала здоровья, потомъ бы стали плакаться на

судьбу, заставившую ихъ быть не болѣе, какъ полезными дрожжами въ бочкѣ, а шамъ — Боже! чего не можетъ произвести одна небрежно брошенная мысль! —

И въ самомъ дѣлѣ, отъ чего происходитъ, что не рѣдко вспрѣчающіеся люди низшаго класса, всѣми силами порывающіеся влѣзть въ классъ высшій? Отъ чего иначе, какъ не отъ лжеусовершенствовательныхъ теорій, которыхъ они ущипками и урывками наслушиваются? И не проспительно ли человѣку, когда ему указываютъ рай шамъ, гдѣ его, точно также какъ и нигдѣ на землѣ, вовсе нѣтъ, когда ему рисуютъ адомъ его собственное состояніе, между тѣмъ какъ оно едва ли не болѣе подходитъ къ земному раю, нежели такъ плѣнительно рисуемое ему противоположное состояніе, — не проспительно ли человѣку порываться изъ мнимаго своего ада въ мнимый представляемый ему рай?

О, если бы всѣ филантропы такіе проникнулись только Его Святою вѣрою, Христовою, — они вѣрно опказались бы отъ философскихъ мечтаній своихъ и вѣрно забыли бы думанье о разнородныхъ эманципаціяхъ своихъ! Вѣрно переспали бы они съ негодованіемъ проносить слова: *мужикъ, рабъ*. Рабъ — вотъ

самое ужасное слово, которое раздираетъ и ухо и душу Европейски образованныя. По этому-то пуще всего и Св. Писаніе не правится имъ, что оно не только допускаетъ рабское состояніе, но даже повелѣваетъ, чтобы рабы въ простотѣ сердца и безъ ропшанія, какъ Христу, повиновались господамъ (Посл. къ Эфес. гл. 6 ст. 5; къ Тимѣю гл. 2 ст. 9; къ Фил. гл. 2 ст. 12; 1 посл. Петр. гл. 2 ст. 18;) Рабъ — ужасное слово для философскаго слуха; оно разперзываетъ сердце гуманиспа. Но еслибы прозрѣлъ такой гуманиспъ свѣтомъ Христовымъ, онъ вѣрно пересталъ бы такъ терзаться по пустому, — онъ вѣрно почувствовалъ бы всю святость и рабскаго состоянія, почувствовалъ бы всю поэзію его. Только, чтобы почувствовать всю поэзію рабскаго состоянія, надобно высоко, высоко возвыситься надъ всѣми *Океанами* и *Тегелями* и *Адами* *Смитами*, и, е., надобно глубоко, глубоко унизиться подъ себя самого, надобно почувствовать всю сладость Христіанскаго несамобытія, всю сладость святейшаго состоянія младенческаго, состоянія нищенства духовнаго. А какъ это трудно! какъ тяжело!

(До будущаго года.)

Различіе МЕЖДУ ЕПИКУРЕЙСКОЮ МУДРОСТІЮ и Стоическою и Христіанствомъ.

(Блаженнаго Августина.)

Не будьте Епикурейцами. Разберитесь какъ должно, что они говорятъ: «Мы завтра умремъ.» — Но весь человекъ не умретъ. Поэтому никто не говоритъ: «давайте есть и пить, потому что завтра умремъ.» Если хотите пить эту пѣсню: то пожалуй поймите: «мы завтра умремъ.» Но то, что передъ этими словами спойте, не должно быть вашей пѣсней. Епикурейцы не посятъ въ сердцѣ жизни по смертной и не зная никакого другаго удовольствія, кромѣ чувственнаго, не умѣли ничего лучшаго сказать, кромѣ того, что давайте есть и пить потому что завтра умремъ. Но Христіане, которые надѣются жить послѣ смерти, не должны говорить этого. Держитесь словъ: «мы завтра умремъ;» но заключеніе ваше пусть будетъ другое: «такъ какъ завтра умремъ, то станемъ поспинься и молинься.» А чтобы не пропустить того, что болѣе всего надобно, то я прибавлю къ словамъ: «поспинься и молинься,» еще слѣдующее: «обращай поспѣ швой въ лицу бѣднѣмъ, которая бы уполяла голодъ ихъ, или, если ты не въ состояніи снести поста, то давай бѣднымъ болѣе, чтобы насыщеніе ихъ могло шебъ доставить прощеніе грѣховъ.» И такъ слово Христіанина да будетъ: «станемъ-же поспинься и молинься и давань подаянія, ибо мы завтра умремъ.» — Поэтому не въ нѣлѣ полагать Апостоловъ высочайшее благо, источникъ блаженства. — Со Синодами ведемъ мы борьбу благороднѣйшую. Ибо если спросить у нихъ, гдѣ находятъ они источникъ блаженной жизни, или что составляетъ въ человекѣ блаженную жизнь, то они отвѣчаютъ: «не сладострастіе тѣла, а добродѣтель духа составляетъ блаженную жизнь.» Что говорятъ Апостолы? Если онъ подтверждаетъ это, то подтвердимъ мы. Но Апостолъ не подтверждаетъ этого. Ибо тѣхъ, которые пола-

гаются на собственную силу, Писаніе отвращаетъ отъ сей надежды ихъ на самихъ себя. Ученикъ Эпикура, который ищетъ высочайшаго блага чловѣка въ тѣлѣ, полагаетъ надежду на себя. И ученикъ Стоической мудрости, ищущій высочайшаго блага въ духѣ, въ благороднѣйшей части, также полагаетъ надежду на себя самого. Но ученикъ Эпикура чловѣкъ, ученикъ Стоической мудрости также чловѣкъ. А всякій полагающійся на чловѣка «проклятъ.» Чпо же слѣдуетъ? — Передъ нами три чловѣка, *Эпикуреецъ, Стоикъ, Христіанинъ*; спросимъ каждаго изъ нихъ отдѣльно. Скажи, Эпикуреецъ, что дѣлаешь тебя блаженнымъ? «Сладострастіе тѣла,» отвѣчаетъ онъ. Скажи, Стоикъ, что тебя дѣлаетъ блаженнымъ? «Сила Духа,» говоритъ онъ. Скажи, Христіанинъ, что тебя дѣлаетъ блаженнымъ? «Даръ Божій,» отвѣчаетъ онъ.

И такъ, любезные братья, Эпикурейцы и Стоики какъ бы въ глазахъ нашихъ провинуспавили свои мнѣнія Апостолу, и тѣмъ научили насъ, что намъ избирать.

Сила духа, добродѣтель достохвальна; достохваленъ умъ, различающій добро отъ зла; достохвальна справедливоснъ, отдающая всякому что ему слѣдуетъ; достохвально воздержаніе, обуздывающее страсти, достохвально мужество, которое равнодушно въ несчастіи.

Велика, достохвальна сія сила духа. Хвали ея, Стоикъ, сколько можешь: она заслуживаетъ похвалу твою. Но скажи, откуда ты взялъ ея? Блаженнымъ дѣлаешь тебя не добродѣтель, не сила твоего духа, но Тотъ, Кто далъ тебѣ сію силу, Кто вложилъ въ душу твою способноснъ хотѣнія, Кто тебѣ мощъ даровалъ, Тотъ дѣлаетъ тебя блаженнымъ.

Смѣйся надо мною, подобно тѣмъ, которые издѣвались надъ Павломъ. Я не дамъ себя тѣмъ смущать, я сью смѣна, по силамъ своимъ: и буду продолжатъ сѣять даже если ты поитъ пунъ, на которой сѣмя падаетъ и разпалтывается: Чпо ты понесешь во мнѣ, есть обязанность моя. Я сью, — пусть то чпо сью падетъ на камениспую почву. Я продолжаю сѣять; пайдепся для сѣмачка моего и хорошая почва.

Но что мы долго обращаться къ тебѣ? Ты уже принялъ судъ свой, принялъ его опъ Божескаго рѣшенія: Ты принадлежишь къ плѣмъ, которые полагаются на собственную силу, къ плѣмъ, которые полагаются на людей. Добродѣтель составляетъ твою радость. Хорошо, ты доброму радуешься. Въ тебѣ есть жажда добродѣтели: но испоконны добродѣтели не можешь въ тебѣ сдѣлаться текущимъ. Ты изсякъ; а если бы я тебѣ указалъ живой родникъ, то ты спалъ бы смѣяйся надо мною и подумалъ бы: «спаву ли я пить изъ этого источника?» — Но взгляни на жезлъ Моисея: онъ ударяетъ въ источникъ, и вода спрунётся. Иудей ищетъ чудеса, но ты ученикъ Синопической мудрости, ты Грекъ, а Греки спрашиваютъ мудрости. Мы же проповѣдуемъ Христа распятаго. Иудей это блудитъ, а Грекъ надъ этимъ издѣвается. Ибо: Иудеямъ онъ соблазнъ, а язычникамъ безуміе, призываемъ же изъ Иудеевъ и изъ Грековъ, то есть, самому Павлу, и Діонисію Ареопагиту и всѣмъ равно съ ними мыслящимъ, Иудей ли они прежде были, или язычники, всѣмъ симъ Христосъ есть сила Божія и мудрость Божія. — Не издѣвайся ты теперь болѣе надъ источникомъ: узнай же въ жезлѣ крестъ, а въ Христѣ живой ключъ, и если жаждешь, то впитай въ себя крѣпость — до насыщенія. Если ты насытившись изъ родника, то въ силахъ будешь лишь благодарить и въ избытокъ благодарности восклицать: «Тебя, Господи, спаву любить, ты моя крѣпость!» Не скажешь уже болѣе: «Сила духа моего (добродѣтель) дѣлаетъ меня блаженнымъ.» Не присоединившись къ плѣмъ, которые, познавъ Бога, не прославили Бога какъ Бога, не возблагодарили Богу, не ставъ суетными въ мысляхъ своихъ и мрачными въ немудрыхъ сердцахъ своихъ, обезумѣли, сказавъ: «Мы мудрецы!» Ибо что значитъ: «Мы мудрецы,» какъ не то же, что: «Мы приобрѣли мудрость сами собою, мы сами собою довольны?» — Они обезумѣли и достойны называться безумцами. Ложная мудрость — есть истинное безуміе. Ты же будешь принадлежать къ плѣмъ, о которыхъ сказано: «Господи, въ свѣтъ Твоего лица будутъ они шествовать, во имя Твое будутъ и день и ночь ликовать и Твою справедливостію будутъ вознесены. Ибо Ты слава всей крѣпости ихъ!» Если

ты ищешь крепости духа (добродетели): то говори: «Господи, будь моею крепостью!» Ищешь ли блаженной жизни, то говори: «Блаженъ человекъ, котораго Ты обучаешь! блаженъ народъ которому не наслаждение чувственное, не сила духа есть высочайшее благо, но Господь его, Богъ.» Вотъ истинная оплотна блаженства!

КАРЛЪ ПОДЪЕ.

Германія большой Университетъ. Главные жители ея Студенты. Тамъ все ученость, все классицизмъ и Грамматики: Россія большая семья: сильная, свѣжая жизнь въ ней. Но — въ семьѣ не безъ уродов: Посмотрите, какъ живутъ ихъ ученые паружность Университета, какъ любо взрослой молодежи приобретене пинтуды Студента Университетскаго. — За Университетомъ Франція — вольный модный пансионъ. Далеко въ наукахъ тамъ не доходятъ; но воспитанники также выдаютъ иногда свои упражненія въ свѣтъ. Шалуны тамъ живутъ ужасные; ни учимся, ни сморимся, ни кому о нихъ покоя нѣтъ. Есть въ нашей семьѣ дѣти, которыхъ пѣвлетъ издали и пансионская жизнь. Хорошо, что у насъ они еще угла боятся... Но какъ въ семьѣ не безъ уродов, такъ и въ Университетѣ и въ легкомъ пансионѣ есть исключенія, хотя также не безъ исключеній. Тамъ взрослые юноши и въ Германіи, посреди

Шеллингъ, Гегель и пр., у которыхъ изъ подъ очковъ не дикая гениальность сверкаетъ, а крошко сіяетъ лучъ доброй мудрости; у которыхъ подъ отчаянной шапкою не Гегелево ничто гнѣздилося, а выплываетъ скромная мысль Христіанскаго любомудрія. Есть и между дѣшными Зарейскими кающіеся въ шалостяхъ своихъ и сознающіеся въ неправотѣ своеправія и въ ничтожности пансіонскихъ устрѣховъ своихъ. Правда, трудно сыскать въ Германіи, чѣмъбы созерцательность любомудрія Христіанскаго превратилась въ чувство и жизнь, трудно сыскать во Франціи, чѣмъбы сознаніе въ ничтожности человѣческихъ совершенствъ влекло за собою стремленіе къ божественному совершенству: но полезно было бы, если бы подражали наши хотя и эпо замѣтили. Замѣчательно, что, слѣпо прославляя вновь являющихся писателей во Франціи и Германіи въ слѣдъ за журналами сихъ земель, и судя объ нихъ, какъ тѣ имъ велятъ судить, замѣчательно, что они не видятъ въ нихъ ясныхъ и сильныхъ доказательствъ со всѣмъ прошивнаго ученія тому, какому они сами слѣдуютъ. Карлъ Нодъ прославленъ въ нашихъ журналахъ только моднымъ писателемъ. Тѣ мысли его, въ которыхъ онъ порицаетъ то, что наша литература поспѣ-

вляешь себя идеаломъ, не обращающъ вниманія нашихъ либераторовъ. Недавно познакомились мы нѣсколько съ самимъ Нодье. Мы нашли въ немъ человека, который, кружась ночью на земномъ балу, догадался, что будешь балу и конецъ, и что забавно прилѣпляться къ мимолеющему веселію его; но въ тоже время увидѣли въ немъ человека, который не пошному отрицается отъ бала ночнаго, что насчанепъ и день, и съ нимъ веселіе другого рода ему можетъ быть доступнымъ — веселіе семейнаго эдема, а пошому, что, уѣхавъ съ бала, онъ — ляжетъ спать. Это взглядъ язычески очищеннаго духа на жизнь. Далѣе смерти Эпикурейскій умъ его ничего не видитъ:

...Dum licet uti, utere deliciis; omnia mors adimit. симъ девизомъ оканчивается онъ спатью de la perfectibilité de l'homme etc.

«Слово *усовершенствованіе*» начинается онъ эшуже спатью «еснъ не древнее слово. Платонъ, Цицеронъ и Маркъ-Аврелій не поняли бы его, Монтанъ спалъ бы смѣялся надъ нимъ.....» «Требовать усовершенствованія отъ человека, значить претовать, чтобы онъ перемѣнилъ свою природу, претовать, чтобы иссонъ спать розою, а яворъ ананасомъ.» Вотъ одно изъ ложныхъ основаній, какими наполнены его сочиненія, и въ которыхъ миллионы не-

вѣждъ и образованныхъ, непросвѣщенныхъ и полупросвѣщенныхъ вѣрующъ отъ глубины души и за копорыя, безъ всякаго сомнѣнiя, Нодъ пакъ и яравилсъ даже въ госпинныхъ. Но эпо показываесть шолько, чшо въ него еще не проникъ томъ лучъ жизни, копорый оживилъ бы весь и внупренный и внѣшнiй мiръ его, по крайней мѣрѣ въ глубину его всею небесною силою своею. Изъ многихъ же мѣстъ какъ эшой, пакъ и другихъ спашей 5го тома его сочиненiй, въ кошоромъ заключающя Reveries, можно видѣть, чшо онъ, если не самый сей лучъ увидѣлъ и позналъ, копорый для него какъ бы изъ-за горъ Востока едва лишь брежжеться, то по крайней мѣрѣ примѣнилъ ничтожность мрака на западѣ, бѣгущаго отъ появленiя луча сего. Обращенный лицомъ къ разсѣваемому мраку, онъ (особенно въ спашѣхъ подъ заглавiемъ: *De la fin prochaine du genre humain*) вездѣ ясно и опчепливо видишь преходящность всего временнаго и ничтожность всѣхъ усилiй и всѣхъ движенiй и образовъ природы и челоука, — но, не имѣя понянiя о прнчпостасно-единомъ Создательѣ природы и челоука, смѣшивая въ мысляхъ своихъ превѣчную мудрость Спасителя съ мудростями челоуческими, и спавя Моисея на одну доску съ Кювье, шолько и видишь вездѣ, чшо смерть

да уничтоженіе, и никакого другаго угнѣшенія не имѣеть, кромѣ Эпикурейской, наслажденійной жизни на землѣ. Многимъ вскружилъ головы Кювье своими геологическими гипотезами: Ноде, какъ видно, одинъ изъ искреннѣйшихъ его почитателей. Только съ геологическими сими гипотезами переплелъ онъ въ головѣ у себя разныя свои фантазіи, изъ мифологій или природы почерпнушыя: потому у него чинаеице старинныя толки о древности Китайской, о мамонтовыхъ костяхъ, находимыхъ въ новое время и п. п. (а сколько ужъ о томъ толковали и Вольтеръ, въ одномъ смыслѣ съ Ноде, и Кантъ и даже Якоби и др.! да и какой сидѣлецъ Нѣмецкій нынче ужъ объ этомъ не толкуется!); сверхъ того всмрѣчаеице у него еще новыя мечтанія — на пр., вѣрованіе въ существованіе Титановъ до нынѣшняго рода человѣческаго, которое будио бы должно подтвердись, если только разрыиъ Тибетскія горы и Кавказскія долины. Не имѣя ни малѣйшаго и предощущенія вѣчной жизни, онъ думаетъ, что Богъ знаетъ какую высокую и даже новую мысль сказалъ, провозгласивъ, что нынѣшній родъ человѣческій со временемъ сдѣлается пылью на погребіе погамъ. Не чая новой земли и новыхъ небесъ, а думая только о жизни на нынѣшней землѣ, онъ, само собою

разумѣется. долженъ былъ попастъ на одни мысли съ Унитаріями, Рационалистами, Вольперомъ и пр. и пр. Вы у него встрѣшите изношенную брань на города, за то, что въ нихъ живутъ люди съ блѣдными лицами, найдете припороное Руссовское, Геснеровское прославленіе природы, услышите, что Изида или природа — цѣломудренна (chaste). Такіе взгляды, разумѣется, должны нравиться нашему естественному и не слишкомъ въ глубь засматривающему взъку. Кпо нынче и безъ Подье не засмѣется, когда скажешь, что вся природа пала и что пошому вся шварь воздыхаетъ? Всякій скорѣе объяснитъ это ученіе Св. Писанія какъ-нибудь аллегорически, или приметъ за выраженіе по духу тогдашняго времени, нежели согласишся, чтобы природа не была цѣломудренна или чтобы она вообще была въ падшемъ состояніи. А между моралистами мало ли можно встрѣпить такихъ, которые (какъ говоритъ о комъ-то покойный Сенапюръ *Допухинъ*, посланный въ Курскую Губ. для увѣщанія Духоборцевъ, въ рукописномъ жизнеописаніи своемъ) — тѣхъ только и почитаютъ Христіанами, у которыхъ полныя красныя щеки. Короче: въ Подье большая часть тѣхъ качествъ, которыя истребуются нынѣшняго моднаго мыслителя. Но —

непостижимы пути Господни! Эпопѣ же самый модный писатель, не принимающій ничего истинно-положительнаго, есть въ тоже время — одно изъ самыхъ сильныхъ оружій противъ моды и противъ всего мнимо-положительнаго. Сколько, на пр., среди самыхъ парадоксовъ въ сужденіяхъ его *de l'amour, de l'utilité morale de l'instruction, de la perfectibilité* и пр., сколько тамъ сильныхъ ударовъ нынѣшнему эгоистическому механически-художественному духу времени! Что, на пр., скажутъ наши подражатели Французовъ и Пэмцевъ о томъ, что книгопечатаніе — не только не предотвратило онъ рода человѣческаго возвращеніе варварства, но даже увеличило его и сдѣлало неизбѣжнымъ? что вѣка Людовика XIV, Франциска I. были послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, но были бы и безъ него, точно также, какъ вѣка Перикла и Августа не дожидались его? что даже матеріальнаго сохраненія памятниковъ мысли человѣческой оно вовсе не упрочило, что испребленіе печатныхъ книгъ ни чуть не пруднѣе испребленія рукописей, которыхъ у древнихъ едва ли многимъ чѣмъ менѣе было, чѣмъ у насъ печатныхъ книгъ? что не смотря на то, что Императоръ Трацианъ предписалъ *всѣмъ* Римскимъ гражданамъ имѣть по экземпляру сочиненій современнаго ему испорика, — до насъ дошли

клучки эпихъ сочиненій; а библіотека Александрійская, которая была обширнѣ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ библіотекъ, ибо заключала семь сотъ тысячъ книгъ, — только память о себѣ оставила? Чѣмъ скажутъ о томъ, чѣмъ единственная часть нашей цивилизаціи, въ которой оказываеися что-то похожее на усовершенствованіе, есть механическая работа, руководѣнная промышленностью? чѣмъ въ наукахъ никакого усовершенствованія не видно, чѣмъ созерцательныя науки не прониклись съ мѣста, положишельныя по природѣ своей неподвижны, а факшическія не совершенсвующіяся, а только умножающіяся? чѣмъ если книгопечатаніе имѣло какое-нибудь вліяніе на развитіе литературы, то шѣмъ хуже, потому чѣмъ какія-нибудь двѣ плеяды людей съ гениемъ превратили въ спадъ подражателѣй и переписчиковъ? чѣмъ если оно содѣйсвѣвало къ распространенію полезныхъ свѣдѣній, то шѣмъ болѣе распространило тысячи заблужденій и глупостей, и если и ускорила образованіе людей, то единсвѣнно для того, чѣмбы шѣмъ скорѣе свергнути ихъ въ варварсво? чѣмъ вообще торговымъ размноженіемъ дурныхъ сочиненій унизило ученость, свело ее съ той высокой степени, которую занимала она въ древности и превратило въ суетную забаву пунсидцевъ,

въ средство бѣдныхъ добывать себѣ прокормленіе, въ орудіе злобы? и пр. и пр. Чпо скажутъ на это тѣ, напр., которые и Нодѣ прославляютъ, и всѣхъ мужиковъ желаютъ подѣлать грамотеями и съ какою-то торжественною радостью пророчатъ, что будетъ, будетъ и у насъ липература, будетъ такая-же липература, какъ во Франціи, гдѣ она по выраженію ихъ живетъ, кипитъ!

Пусть опчаспи не правъ Нодѣ, браня такъ типографіи, буквы, шумное движеніе умовъ, броженіе или кипѣніе липературъ и пр. И вопъ чпо ему можно возразитъ пропивъ этого:

До распространенія Христіанства человѣчество большею частью было уже пригото- влено къ принятію онаго, т. е., было уже вы- молочено и смолото въ муку. Мука эта раз- вѣялась бы по вѣтру, если бы не явилось уче- ніе Христово и водою крещенія не спаяло час- тичъ и частичекъ муки въ одно тѣсто. Спа- ситель научилъ насъ молиться: «да приидеши Царствіе Твое!» Слѣдовательно велѣлъ намъ просить Бога, чпобы и къ намъ, въ насъ, въ родъ человѣческій низшло Его небесное Царство, т. е., чпобы родъ человѣческій — не сдѣлался Царствомъ Божиимъ, но — проник- нутся имъ. Но Іисусъ Хриосъ сказалъ

(Матф. гл. 13, ст. 33; Лук. гл. 13, ст. 21.)
 чпо «Царство небесное подобно закваскѣ, ко-
 торую женщина взявъ положила въ три мѣры
 муки, и оставила, пока вскиснетъ все.» Спало
 бытъ родъ человѣческой, чпобы уподобилъсѣ
 Царствію небесному, долженъ проникнувшись
 закваскою и вскиснуть всеъ. Но между тѣмъ
 какъ одна часнъ новаго тѣсна поспавлена
 была въ своей мѣрѣ подъ шеплымъ вліяніемъ лу-
 чей Духа Святаго, — между тѣмъ другая мѣра
 съ тѣсною, на Западѣ, спояла вѣроятно да-
 лeko ошъ вліянія благошворной небесной шен-
 лошны: тѣсно не закисло въ ней, а все
 оспавалось годнымъ — лишь на ошрѣсноки.
 Тутъ надобно было найдтисѣ новымъ хозле-
 ватъ, и положишь закваски небесной въ тѣсно.

Но и не правдали, чпо вмѣстѣ съ небесною
 закваскою подбавили въ тѣсно и земныхъ
 дрожжей? Тѣсно закисло; но закиснувъ, при-
 шло въ неожиданно-сильное броженіе; и скоро
 выбилась великая часнъ его изъ квашни, и до
 сихъ поръ бродитъ и раскисаетъ и въ раз-
 ныхъ новыхъ квашняхъ, и вѣтъ квашень — по
 землѣ валяясь, и засыхаетъ, и снова въ муку,
 но уже въ испорченную, превращающѣся, — и
 въширами развѣваетъсѣ, и печеными животи-
 ными сѣдается! — Неужелиже не правъ Подье,
 когда каринтъ такое закисленіе человѣчества,

(ему виднаго, т. е., Западно-Европейскаго)? И неужели же правы наши Господа просвѣщители, крича во весь голосъ: будетъ, будетъ и у насъ такая либерашура, на зло такимъ-то и такимъ-то? Неужели правы Господа теоретики Педагогій, утверждающіе, что мужикъ непременно долженъ умѣть читать и писать, и знать четыре правила арифметическія, чтобы вскинувшись какъ должно? Неужели они правы, живя памь, куда сколько *Адаловъ Зерникавовъ* убѣгало! потому что видѣли памь истинный, небесный, не насильственный, не человѣческій, квасъ въ пѣсѣ? И неужели же не могутъ домысливъ эти просвѣщители, что не то еще состояніе есть цѣль и предназначеніе человека, когда онъ закиснетъ какъ должно и пузыри спанетъ пускать, — а что это состояніе есть только приготовленіе къ высшему состоянію? Неужели не домысливъ они, что хорошо закисшее пѣсно должно еще быть охвачено и проникнуто, ужъ не водою ученія, а — *огнемъ* благодатнаго испытанія, и что лишь такимъ образомъ можетъ превратиться — въ хлѣбъ, и что лишь тогда, а не во время броженія его, можетъ удостоиться спань часною пѣла Спасителя и быть преломленнымъ на спасеніе ядущимъ его?

Если пошла Липерапура наша пузыри
пускашь отъ броженія, то видно пакъ ей на
роду написано: но неужели же желать, чшобы
это пузыреніе дошло до того, до чего дошло
на Западъ? Избави Боже! Нѣтъ! огня! огня
Духа Святаго! печи небесной! испытанія! —
вошь чего ждетъ опечесшвенная мѣра муки
отъ хозяйспвенной женщины — чистой Не-
вѣсты Христовой, осыняющей заботливостью
своею ввѣренное ей шѣсно Опечеснѣва!

(Продолженіе когда случится.)

Р О М А Н С Ъ.

(Подражанія.)

Скажи, когда въ груди швоей
Зажегся пламень спрасшнѣй;
Давно ъ я въ горесни моей
Вдыхалъ, вдыхалъ напрасно?
Давно ли горделивой взглядъ
Бросала безъ привѣта
Ты на меня — и въ немъ опять
Мнѣ небыло опевѣна?....

Когда-то счастливой порой
Ты на меня взглянула —
И пламень жизни молодой
Ты взглядомъ развернула!
Съ шѣхъ поръ душа моя пылала
Любовію свяшой —
И ны, и ны се узнала,
Небесный Ангелъ мой!

Какъ сладостно было мечтать
 И счастьемъ наслаждаться,
 Во взорахъ пламенность встрѣчать
 И нѣгой упиваться!...
 Но зависѣть съ счастьемъ всегда
 Въ семь мѣръ неразлучны:
 И намъ съ побоемъ никогда.....
 Не улыбнися радость!

Судьбой, людьми мнѣ суждено
 На вѣкъ съ побой расшататься ---
 И сей судьбѣ несчастному должно,
 Должно мнѣ покоряться;
 Но чпоже? для меня любовь
 Ужели въ этомъ линя шаннся?
 Она въ душѣ тѣмъ пламеннѣе вновь --
 Воспортомъ вспламенился.....

И.

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Любовь — и счастье и вѣснѣ огорченье,
 Она какъ розовой кустокъ
 Шлѣпнѣтъ, пономъ нелой кольнѣтъ,
 Воспортъ ся — лишь сладкое мученье.
 Любовь есмь ядъ неизъяснимой:
 Онъ грудь шакъ жеспоко пѣсннѣтъ;
 Но въ поштъ же мнѣ небесной силой
 Ее шакъ радостно живннѣтъ!....

И.

ГЕКИМЪ - БАШИ ДИМИТРИЙ.

(Взято изъ *Revue de Paris* 1832.)

(Окончаніе.)

3.

Солнце недавно взошло. Возрасталъ говоръ на улицахъ Перы. Крикъ разнощиковъ рыбы заглушалъ призыванія муедзиновъ. Въ одномъ деревянномъ домикѣ, раскрашенномъ темными красками, Греческое сѣмейство собралось вокругъ стараго Османлія съ густою сѣдою бородою, искусно разчесанною. Въ зеленой *джубе* или верхнемъ одѣяніи и въ зеленой чалмѣ сидѣлъ Османли въ углу дивана съ поджатыми ногами, съ длинной шрубкою и чашкою кофе.

— «Спиридіонъ,» сказалъ спарикъ, обращаясь къ спарѣйшему сѣмейства его окружавшаго, «Гекимъ, твой братъ еще не возвращался? Я видѣлъ его вчера въ *Кагвене* малаго поля умершихъ. Онъ исчезъ посреди кипарисовъ, послѣдующій спарою отвращительною жидовкой. Вѣрно опять пожертвована честь какой-нибудь женщины, разрушено спокойствіе общества.»

— «Эффенди, ты знаешь что братъ мой иногда долженъ проводить ночи у больныхъ.»

— «Пусть такъ. И я желаю ему умереть спокойно въ своей постели; но мнѣ ка-

кое-то предчувствіе говорить, что ему кончить жизнь либо подъ канджаромъ ревниваго мужа, либо подъ саблею джеллада. Скажи, ты знаешь Элиньку? бѣдное созданіе! о Алла! Алла! рано или поздно это пресупленіе падетъ на его голову. Какъ коршунъ спаветъ оно раздираетъ его внутренность.....»

Тутъ Эмиръ прервалъ рѣчь. Быстро вошла въ комнату молодая дѣвушка. Робко, и блѣднѣя и краснѣя, съ пошупленными глазами и воздымающеюся грудью привѣщивала она Эфендія и остановилась, ожидая чгобы позволили ей сѣсть.

— «Элинька, сказалъ Спиридiонъ, взявъ ее за руку, что тебя такъ рано привело сюда?»

Элинька не отвѣчала. Но прекрасные глаза ея поднялись къ небу: они были красны и полны слезъ. Она упала на диванъ и блѣдность побѣжала по лицу ея до самыхъ губъ.

— «Что тебя такъ превожинтъ, другъ мой, Элинька,» сказалъ Эмиръ пропаянувъ къ ней руку? «Скажи мнѣ, кто тебя обидѣлъ? Назови мнѣ его; онъ заплашитъ головою; кляпуть бородой Сулпана.»

— «О, нѣтъ, не онъ, вскричала молодая Фанаріюшка: не онъ, а она; да, она заслуживаетъ казнь! она нарушила святѣйшую обязанность; она осквернила ложе супруга своего,

своего господина, опъ имени котораго должна бы препенать, котораго взоръ приводитъ въ препенъ все Государство.»

— «Элинька,» вскричалъ Спиридіонъ, быстро прервавъ несчастную и самъ блѣднѣя; «ты погубишь насъ всѣхъ!»

— «Молчи,» прервалъ его Эмиръ, бросивъ страшный взглядъ на все семейство; «продолжай Элинька.»

— «Элинька! Бога ради!» вскричалъ опять Спиридіонъ, упавъ передъ нею на колѣни.

— «Молчи, я сказалъ,» вскричалъ опять Эмиръ.

Элинька чипала въ глазахъ спарика кровавый приговоръ, который извлекло бы одно слово ея. Голосъ ея замеръ на успахъ. Сердце билось въ ужасномъ бореніи мщенія съ любовью. Душа женщины слишкомъ малое поле для такой борьбы. Элинька изнемогла и упала безъ чувствъ.

Пришедши въ себя, она была одна съ Эмиромъ. Спиридіонъ съ семействомъ удался. Она заплакала. Спарикъ ласкалъ и увѣщевалъ ее и выпуждалъ у ней опкровечность; представлялъ ей пзмѣны Димитрія и торжество соперницы. Наконецъ самолюбіе возпоржеснивовало въ Элинькѣ надъ всѣми чувствами.

— «Меня грызетъ эта тайна, государь Эмиръ,» сказала она. Открывъ ее, я произнесу смертный приговоръ и имъ и себѣ. Но нѣтъ, — я не снесу, чѣмъбы вѣроломный игралъ измѣною, которая убиваетъ меня. Нынѣшнюю ночь провелъ Димитрій въ объятіяхъ Кадины-Эме. Та же самая Жидовка мнѣ сказала это, которая провела его къ ней. Всемъ своимъ золотомъ я купила эту страшную тайну. Тебѣ поручаю ее, Эмиръ.....

4.

Солнце пылало съ вышины. Живописно рисовались ярко разцвѣченные дома и круглые куполы мечетей и острія минаретовъ. Густою зеленью красовались кипарисы и мирры, и благоухалъ дикій жасминъ. Какъ свѣшлые сапфиры играли волны Босфора. На улицахъ было знойно и безмолвно.

Въ глубинѣ шелкового дивана сидѣлъ облоченный на подушку въ широкой Воспучной одеждѣ прекрасный задумчивый мушкетеръ. Взоръ его блуждалъ съ высоты великолѣпнаго кіоска, господствующаго надъ моремъ, по обширному городу, картинно передъ нимъ разкинутому. Константинополь похожъ болѣе на военный

ешанъ, нежели на городъ. Подлѣ огромныхъ сплѣнь Константиновыхъ наспавлены деревянныя дома Турковъ безъ всякихъ пышныхъ и богатыхъ украшеній. Турокъ носилъ все богатство свое на себѣ: это его оружіе. Турокъ во всякое время готовъ переплыть Босфоръ. Онъ зажжетъ свой деревянный домъ, уведетъ своихъ лошадей, женъ и невольниковъ; спанъ его раззоряетъ, и онъ снова его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опспроитъ также красиво, живописно и неспро.

Казалось, углубленъ былъ въ размышленія прекрасный мущина на шелковомъ диванѣ. Его черныя глаза были полны огня; густыя брови сжимаясь приводили въ легкое движеніе бѣлую кисейную чалму. Зеленая джюбе блиспала богатымъ золотымъ шпшьемъ. На складкахъ величественнаго лба его видны были слѣды мысли, копорая подобно молніи вездѣ оспавляетъ знаки на себѣ. Это Султанъ Магмудъ. Передъ нимъ споялъ Ага Янычаровъ и нѣсколько высшихъ Янычарскихъ чиновниковъ.

По повелѣнію Султана введенъ былъ небольшого роста спарикъ. Онъ былъ извѣспный намъ Эмиръ въ зеленой чалмѣ. Подошедъ ближе къ дивану, онъ повергнулся на землю предъ повелителемъ. Два мальчика вшедшіе за нимъ послѣдовали его примѣру. Одинъ неслъ

богатое блюдо и бумажное полошенье, шипное по краямъ золотомъ; другой держалъ въ рукахъ два бриллевенныхъ прибора. Эмиръ былъ бродобѣй Султана. Султанъ далъ Эмиру знакъ приблизиться; но Эмиръ не повиновался. Новое повелѣніе заставило его приподняться. Ощущеніе было на лицѣ его. Съ рыданіемъ и перзаніями бороды рассказалъ Эмиръ Султану приключеніе. Янычарскіе чиповники изобразили весь ужасъ преслупленія и — два приговора, поднесенные Султану, припечаталъ онъ персннемъ своимъ.

5.

День страха и печали былъ слѣдующій день для гарема. Кизляръ Агасъ княжаломъ на поясѣ вошелъ въ комнаты Кадинъ, послѣдуемый чепырьма черными Евнухами, и неся въ правой рукѣ свипокъ бумаги, предъ которыми каждый съ благоговѣніемъ наклонялъ голову. Кадина Эсме небрѣжно сидѣла на диванѣ въ лѣпнемъ гаремѣ; бѣлая рука, поддерживая наклоненную голову, исчезала въ черныхъ локонахъ волосъ. Въ глазахъ играли сладоспраситныя мечшы.

Случалось ли вамъ въ прекрасный весенній вечеръ сорвать со сибелька цвѣшокъ въ мол-

номъ свѣжемъ цвѣтѣ, и какъбы играя, преданіе его пламени свѣчи? Случалось ли вамъ замѣтивъ, какъ въ одно мгновеніе пламя съ прескомъ искажаетъ нѣжноцвѣтныя бархатныя переливы и спростыя листки его? Это Кадина Эсме при видѣ Аги съ Евнухами и развернушаго предъ глазами ея фирмана: Съ восплемъ: Алла! бросилась она блѣдная на колѣни. Ее подняли и невольница закрыла ей лице двумя кисейными покрывалами и другія невольницы накинули на нее легкій плащъ. Вооруженные Евнухи въ безмолвіи сопровождали ее изъ внутренности гарема.

Въ глубинѣ густой кипарисной рощицы два невольника опвалили огромную каменную плиту, закрывавшую глубокую мрачную яму. Ужасъ и отчаяніе раздирали Кадину. Она ломала руки, испускала спрашныя вопли, влеклась по землѣ, обнимая и лобызая ноги Евнуховъ. Бога ради, Бога ради убейте меня! кричала она. Я во всемъ вишусь, только убейте меня! — Но не смотря на всѣ ея усилія, ее влекли къ спрашному отвѣщенію и на двухъ толстыхъ веревкахъ — живую спустили въ глубину и — тысячи голодныхъ крысъ осыпали жертву. Мгновенно исчезла одежда и безчисленные, острые, лдовинные зубы извили и терзали нѣжное плѣо. Спрашныя стоны

и вопли доходили изъ спрашной глубины до отверстія. Но слабѣе и слабѣе становились и наконецъ умолкли и Кизляръ Ага далъ знакъ подвѣшать вверхъ Кадину. Ага коснулся сердца; сердце еще билось. Ее окушали въ чистое бѣлье для пробужденія жизни въ разперзанныхъ членахъ, и окончательная казнь оплоажена до вечера.

6.

Между шѣмъ какъ приводимъ былъ въ исполненіе одинъ изъ фирмановъ, подписанныхъ на кануцъ Сулпаномъ, другой былъ порученъ одному Янычарскому чиновнику. Онъ долженъ былъ взять подъ спражу Гекима Баши, гдѣ бы его ни встрѣпалъ. Но Димитрій, узнавъ объ опасности, принялъ мѣры къ спасенію своему. Онъ рѣшился обратиться къ Англійскому посольству и искать у него покровительства. Извѣстно, что въ Турціи всякій преступникъ, котораго какое нибудь посольство захочетъ взять подъ свое подкровиельство, освобождается отъ вліянія Турецкихъ законовъ. Британское Нравительство приняло Димитрія, но дало ему совѣтъ, немедленно отправиться въ Тріестъ. На рейдъ стоялъ Австрійскій бригъ, готовый къ отплытію.

Около полуночи подулъ попутный вѣтеръ и бригъ отправился. Димитрій намѣренъ былъ по прошествіи нѣкопорого времени возвратиться изъ Трієсна опять въ Константинополь и написалъ полиномочіе брату своему Спиридіону на владѣніе всѣмъ его движимымъ имѣніемъ, взявъ съ него клятву, что непрекословно возвратитъ ему все имѣніе, когда Димитрій по возвращеніи того попребуетъ.

Ночь была свѣтлая. Споя на палубѣ, Димитрій провожалъ взорами удаляющіеся отъ него берегъ и споліцу. Въ сіяніи луны видѣлъ онъ издали кіоскъ лѣшняго гарема, бывшій для него сполько пагубнымъ. Воспоминанія рисовались въ мысляхъ его, и образъ Кадины Эсме носился передъ нимъ. Но вдругъ видитъ очъ плывущій въ море канкъ, видитъ вдругъ, канкъ останоился посреди моря. Онъ узнаетъ гребцовъ Султанскихъ. Вдругъ видитъ, что-то спускаютъ съ канка и бросаютъ въ море. Холодъ пробѣжалъ по членамъ Димитрія и препенъ ужаса наполнилъ грудь его Въ виду роковаго кіоска, въ глухую полночь онъ не сомнѣвался больше: это казнъ Кадимы Эсме. И вспомнилъ онъ съ ужасомъ законъ, по которому невѣрная жена должна быти опущена въ море въ кожаномъ

мѣшкѣ, крѣпко завязанномъ и наполненномъ живыми кошками и змѣями.....

7

Шесть мѣсяцевъ пропекло. Была Январская дождливая погода. Въперъ дулъ съ Чернаго моря, и густыя пучи тяжело пянулись по небу, сѣрый сумракъ наспила на окрестность. Высокіе кипарисы близъ дома Спиридѣонова шумѣли, качались и скрипѣли. Спиридѣоново сѣмейство собралось все въ одну комнату; женщины вышивали; дѣти играли въ углу въ каршы, смѣшивая въ разговорахъ своихъ Турецкіе и Италіанскіе слова съ Греческими. Вдругъ съ шумомъ отворяется дверь и вошедшій сбрасываетъ съ себя мапрозское одѣяніе.

— «Я пришелъ за имѣніемъ своимъ,» сказалъ Димитрій спраннымъ голосомъ, и сверкая глазами какъ безумный. Женщины перепугались; дѣти смотрѣли приспально и робко на Димитрія; Спиридѣонъ старался его успокоить. «Я возвращу тебѣ имѣніе; только зачѣмъ ты теперь явился? Ты знаешь, что жизнь твоя въ опасности. Возвратись скорѣе на корабль; не подвергай себя бесполезно гибели.»

— «Возвращусь; но отдай мнѣ акштъ, который я далъ тебѣ на владѣніе имѣніемъ.»

— Спиридiонъ извинялся неожиданностью требованiя и прибытiя Димитрiева. — Димитрiй въ неисповспѣхъ ударилъ Спиридiона въ лице палкою и ушелъ. На другой день явился онъ съ толпою Янычаровъ въ Турецкомъ отдѣленiи. Онъ принялъ Исламизмъ, назвался Магомепомъ и явился къ Спиридiону силою взявъ свое имѣнiе. — Но Спиридiонъ объявилъ Янычарамъ преступленiе Димитрiя; ихъ обоихъ взяли подъ стражу, Спиридiона скоро освободили, а Димитрiй — черезъ нѣсколько дней, идя на казнь, замѣнилъ въ толпѣ зрители и Эмира, бродобрѣя Сулпанскаго и вспомнилъ пословицу: не миновать лисей шкуркѣ мѣховой лавки. — У эмира были слезы на глазахъ: онъ чипалъ на лицѣ Димитрiя, какъ пресупная совѣсть какъ коршунъ раздираетъ всю внушренность его. —

Ройе.

СУЖДЕНIЕ ЛОККА

объ умственномъ воспитанiи.

Вся книга славнаго Локка о воспитанiи состоитъ изъ 24 главъ, и изъ всѣхъ сихъ главъ Локкъ посвятилъ собственно такъ называемому ученiю или умственному воспита-

нію — одну, одну изъ послѣднихъ — двадцатую, и то не всю; ибо въ нейже говорится о танцованіи, фехтованіи и пр., между тѣмъ какъ представитель нынѣшней Педагогикъ въ Германіи, *Нилейеръ*, (представитель — ибо главное, большое сочиненіе его о воспитаніи имѣло восемь изданій) помуже предмету посвящилъ около двухъ третей своего шестополного творенія. Въ слѣдующемъ годовомъ изданіи мы постараемся представить сличеніе мнѣній о воспитаніи Симеона Полоцкаго, Локка, Коменіуса и пр. Здѣсь не лишнимъ почишаемъ представить краткую оговорку Локка объ ученіи въ собственномъ смыслѣ изъ его книги о воспитаніи.

«Вы удивляетесь можете быть, что я о познаніяхъ говорю послѣ всего, особенно, если я скажу вамъ, что считаю ихъ за мало-важнѣйшую вещь. Безъ сомнѣнія спранию слышавъ это изъ устъ книжнаго челоѣка. А такъ какъ именно это-то и составляетъ главную цѣль всѣхъ хлопотъ нашихъ съ дѣтьми, то парадоксъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза. Если подумаешь, сколько шуму поднимаютъ, чтобы научить ребенка немножко Латыни да Греческому, сколько лѣтъ на то ирапятъ, сколько бьются изъ того, не достигая между тѣмъ цѣли, то по неволѣ покажется, что

сами родители дѣшей боятся учительской розги, принимаемой ими за единственное средство воспитанія, котораго главнымъ дѣломъ почитаютъ они наученіе одному или двумъ языкамъ. Какъ иначе можно объяснить, что ребенка лѣтъ на 7, на 8 или на 10 приковываютъ, для изученія одного или двухъ языковъ, которымъ онъ и съ меньшимъ трудомъ и съ меньшею тратою времени, почти играя могъ бы выучиться?

И такъ просните мнѣ, если я скажу, что не могу хладнокровно подуматъ, что молодаго чловѣка всовываютъ въ сапо и хлыстомъ и плетью гонятъ въ немъ, какъ будтобы должно ему пробѣгать сквозь строй черезъ всѣ различныя классы, *ad capiendum ingenii cultum*. «Но какъ же? скажете вы, развѣ ему не нужно учиться читать и писать? Не уже ли же онъ долженъ быть невѣжественнѣ нашего приходскаго священника, почитающаго *Гопкинса* и *Стернгольда* лучшими стихотворцами, которые въ устахъ его, когда онъ ихъ читаетъ, дѣлаются еще худшими, нежели въ самомъ дѣлѣ снѣ?» Позвольте, прошу, позвольте! Чтеніе, письмо и другія познанія ему нужны, согласенъ въ этомъ, но они не главное дѣло для него. Вѣдь вы сами же безъ сомнѣнія почли бы того чловѣка самымъ безполезнымъ, который не

предпочесть бы до безконечности — добродѣ-
тельного или мудраго челоуѣка великому уче-
ному. Не опровергаю я, что ученость въ бла-
гоустроенной душѣ есть большее пособіе тому
и другому; но должно также признаться, что
въ другихъ, не столько благоустроенныхъ ду-
шахъ, она лишь къ тому служитъ, чтобы
сдѣлать изъ нихъ и глупѣйшихъ и худшихъ
людей. Я это говорю для того, чтобы, если
вы задумаете воспитывать своего сына, и
искать ему учителя или воспитателя,
чтобы вы не имѣли въ виду, какъ обыкно-
венно, только Латыши да Логикѣ. Наука есть
нужная пошребность, но вѣнорого разряда, и
подчинена важнѣйшимъ предметамъ какъ вспо-
могающее средство. Ищите челоуѣка, ко-
торый бы умѣлъ благоразумно образовывать
нравы вашего сына. Ошдайте его въ такіе
руки, чтобы вы могли быть увѣрены; что
будетъ сохранена его невинность, что будутъ
развиваемы и питаемы его добрыя склонности,
а дурныя свойства будутъ съ кротостью у-
страиваемы и искореняемы, и что добро бу-
детъ обращено ему въ привычку, и какъ бы
въ умѣніе. Вотъ главное дѣло, и если вы при-
ложили объ этомъ должное стараніе, то на-
уки и познаніе легко получатся какъ бы
въ придачу, и, какъ мнѣ кажется, за весьма

дешевую цѣну, — средствами, о которыхъ мы
намѣрены теперь размыслиль.»

МУЖИКЪ, СОБАКА и ЛОШАДЬ.

Б а с и л.

Мужикъ повадился ходишь на барскій дворъ,
Тамъ съ мудрецомъ какимъ-то иноземнымъ
Водишь ученый разговоръ.
(Философъ жилъ учинилемъ наемнымъ.)
Развѣснѣ уши и разинувъ ротъ,
Крестыишишь слушалъ, удивлялся,
Когда мудрецъ предъ нимъ распространялся
О томъ, какъ за-моремъ хинерь пародъ:
«Крестыяне шамъ де все по книгамъ разбирають,
Газеты въ кабакахъ чинають;
И всякъ изъ нихъ цифирный знаетъ счѣтъ;»
Разсказывалъ ему объ чудесахъ природы,
И говорилъ, что есть пароды,
Которые, не такъ какъ мы коней,
А Псовъ впрягаютъ, для вѣды своей.
Что жъ?, думаетъ Мужикъ, диковину такую
Могу, пожалуй, сдѣлать я:
Семь запрягу свою дворную
Да въ лѣсъ на ней пунусь въ почную;
А вмѣсто Пса сперечь спавлю дворъ Коня:
Вотъ это чай наврядъ кому на умъ приходило.
Исполнилъ плакъ Мужикъ. Собака пощацила,
Хребетъ сгибая свой,
Тельгу за собой.
Крестыишишь пдучи не падившися чуду —
Впередъ всегда такъ вѣдншь буду, —
Онъ думаетъ въ безуми своемъ,

Пускай же Конь мой караулитъ домъ.
 Вошь Мужичекъ съ Собакой и пельгой
 Тащится медленно чѣмъ-свѣтъ домой:
 Но тушь увидѣлъ онъ, что спорожь Стрѣпъгой
 Ворами уведѣнъ и самъ съ двора долой;
 Руками врозь бѣднякъ и плачется на вора!
 И по дѣломъ тебѣ Мужикъ!
 Впередъ заморскаго не слушай разговора,
 А дѣлай лучше пакъ, какъ дома ты навѣкъ:
 Заморскаго всего не переслушашъ вздора.

И. Бенетскій.

29. Декабря 1852.

РАТНИКЪ.

Ратуй, ратуй, храбрый ратникъ земскаго ополченія! рыскай
 за врагомъ, руби его, колн его, лови его! скажешь и тебѣ спа-
 сибо Родина пшол! Какая бѣда тебѣ, что на ряду съ пшобой
 воюють со врагамъ и богато вооруженные, блестящіе конны?
 Тебѣ пшолько и оружія изъ Царской оружейницы досталось, что
 невзрачная саблишка: но можешь быть и сю съумѣешь пш
 опразить не одного врага!

Вѣками свербована армія и годы и дни и часы продолжа-
 ютъ вербовать ее — армія умшвенная для завоеванія опшальной
 у людей обшванной земли ишпины. И едвали у какого Госу-
 даря на землѣ во всѣхъ родахъ войскъ есть пакое пестрое раз-
 нообразіе, какимъ опшчается это несмѣшное умшвенное опол-
 ченіе нестройно и безъ генералнссимуса и безъ дисциплины
 спремящееся въ бой съ невѣрными, завладѣвшими и Палеспи-
 шю и пшынными Ишпишу — Царницу Палеспины!

Но — спремишесь вы, ополчасетесь вы, несмѣшные воины,
 и пшолько! Не за пшѣмъ въ доспѣхи наряжаешесь вы, чшобъ Па-

лестницу спасши, чтобъ Истинѣ престолъ возвратити! Вы о блескахъ золотыхъ, о кисточкахъ, о лоскуткахъ спорили между собою! Вы забыли дорогою куда пошли! забыли для чего вооружились! Свои царства дорогою основываете! Добычи мірской себѣ ищете! Между собою воюете! Завидуете другъ другу! Величаетесь гербами подвиговъ вашихъ, пестротой и блескомъ доспѣховъ вашихъ, оружія вашего! Вы негодуете на ревностныхъ поборниковъ плѣнкой Царицы, товарищей вашихъ, не подобныхъ вамъ богатствомъ наряда воинскаго, но пламенемъ любви къ Царицѣ вооруженныхъ!

Счастливы были Истины, когда онъ умѣлъ владѣть оружіемъ всѣхъ народовъ и вѣковъ; онъ скорѣе, удачнѣе опыщенъ и возмелъ крѣпость, гдѣ Истина заключена: но хопя и проникнешъ онъ въ темницу ея — она сама не допуститъ его къ себѣ, если онъ не бескорыстно вѣрною любовью подданнаго къ ней нѣлашъ; нечестивая рука своскорыстнаго Слavoлюбца-богатыря не будетъ принята Небесною Плѣнницею.

А вы, смиренные подданные Истины, вы бескорыстною любовью къ ней пылающіе, — не большой опрядъ вашъ и безъ многого оружія не разъ уже проникалъ въ священную темницу; пробивался сквозь многочисленныя толпы Музульманскихъ сторожей, не разъ спасалъ онъ Небесную Плѣнницу; и проторгшись обратнѣ сквозь бунтующія полчища Срацинскихъ невѣждъ на щипкахъ выносилъ ее въ лагерь православныхъ воителей!

Но никогда не бывалъ великъ кругъ вашъ, вѣрные сыны Истины, и неудачны были удачи ваши! Беззаботныя полчища вашихъ своскорыстныхъ сподвижниковъ всякій разъ выдавали и васъ и освобожденную Царицу снова Невѣрнымъ: вы гибли, Истина въ плѣну оставалась. Вы грустили, грустили не за себя однихъ, грустили за всѣхъ лишенныхъ блаженства видѣть Истину не въ неволѣ у Невѣрныхъ. — Ликуйте нынѣ, добрые рапаники! взгляните на высоты Неба Русскаго! видѣли ли воздвигающійся тамъ лучезарный престолъ? Царица снова свободна! она опять наша!

И кто памъ слова отдастъ ея? Кто воздвигаетъ изъ твердыхъ алмазовъ свѣта престолъ ей на небѣ нашемъ? Блещущіе ли изящные латники честолубивой фаланги классической пещеры ли наездники славолубивыхъ полковъ романтическихъ? Нѣтъ! души не снмъ подобныя, не честолубія не славолубія рабыни, — души пылающія безкорыстнымъ любовью вѣчнымъ Свѣтомъ зажепной! неопяченныя оружіемъ всѣхъ разборовъ, но добрыя ратники, ратники Аглицева ополченія.. примѣромъ вѣчноснаго Спрашига одушевляемые.

Ратуй, ратуй, ратникъ, исполненный ревности, хотя и не блистающій бронею и шлемомъ, хотя не устрашающій изящнымъ оружіемъ, лишь Христіанства шлемомъ и бронею облеченный, Христіанства щитомъ закрытый и — неискусною саблею препоясанный, изъ царской оружейницы на твою долю дославшеюся! Ратуй, ратуй; невзрачная сабля твоя некорыстною ревностю твоею успеетъ обоюду оспрому мечу небеснаго Предводителя твоего!

Не клади оружія, ратникъ! не миру время нынѣ, время брани! Не слушай тѣхъ, которымъ мертвый миръ лучше оживительной брани! Помни Того, Кто пришелъ *«не миръ во-вѣрши на землю но мечь, Кто пришелъ разлучить челоука на отца своего, и дщерь на мать свою, и невесту на свекровь свою.»* (Матѣ. 10, 34. 35.)

«Мнителн,» говоритъ Онъ любящимъ мертвый міръ, «яко миръ прѣходъ дати на землю? Ни, глаголю вамъ, но раздѣленіе; будутъ бо отсѣсть пять въ единомъ дому раздѣлени, три на два, и два на три. Раздѣлится отецъ на сына, и сынъ на отца: Мати на дщерь, и дщи на мать: свекры на невесту свою, а невеста на свекровь свою.» (Лук. 12, 51 и пр.) Это говоритъ Онъ и нашему вѣку, не въ бдѣніи и любви, а въ расплѣніи и мерзоповности ожидающему пришествію Его!

«И къ народамъ говоритъ онъ: *Егда узрите облакъ возходящъ отъ запада, абіе глаголете. туча грядетъ. и бываетъ тако. И егда туча вплющъ, глаголете, злой будетъ, и бываетъ.»* (тамъже.) Видите ли черную тучу, въ наказаніе

опъ Запада на насъ плущую? Это лжеумудіе, бичемъ побееъ на насъ ниспосылаемое. Слышнне ли вѣяніе юга? Собственные спрасни наши вихремъ возстаюиъ на кару нашу. Добрые раппики! Царица Палестинны, Иетина, водруженіе престолаъ свой въ предѣлахъ вашихъ, и вы, избранные, обступайте ее не многочисленнымъ ликомъ вашимъ: по многочисленнымъ даппики Князя міра жаждуъ мрака тучи Западной, и адууъ самозабвенно подышаніе вѣяніемъ юга! Вздохните добрые раппики объ нихъ! Ихъ поглощнъ мракъ тучи, и спалинъ ихъ знойный Снрокко. Не слышатъ они словъ къ нимъ обращенныхъ: *«Лице-литри, лице небу и земли въсте искушати, времеи же сего како не искушаете?»* (Лук. тамъже). Они изслѣдили лице и неба и земли, постигли все шайны въ природѣ, видятъ все, умспвуютъ обо всемъ, но юго не искушаюиъ, что время и о вѣчноживой Истинѣ помыслинъ. Вздохните объ нихъ, добрые раппики! И если они усаждаются меривеннымъ миромъ въ плъну у Князя міра; то по крайней мѣрѣ вы за нихъ бодрспвуйте, и — не кладите оружія!

«Будетъ бо время» говоритъ Апостолъ (2 Тим. 4, 3.) *«егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотѣхъ изберутъ себѣ учителя, гешели слухомъ: и отъ истинны слухъ отвратятъ и къ баснямъ уклонятся. Это время наше! Наше! время, когда «птицы сущіи слущающіи и хощащіи превратити благоспствованіе Христова»* (Гал. 1, 7.) и согласнъ его съ новыми лжеумудріями, и когда другіе *премщуютъ лвно философією по преданію теловтгескому или по стилиямъ міра, когда подѣ эгидою свѣта и любви разирасираняюиъ мракъ и себялюбіе, — въ это ли время бытъ безмолвнымъ и забытъ слово Апостола, которое онъ въ лицѣ Тимооеа сказалъ всемъ добрымъ раппикамъ Христовымъ: «Проповѣдхъ слово, настой благовреленнъ и безвреленнъ, обличн, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ»* *«Трезвися о ссели, злопостражди, дълго сотвори благовѣтника, служеніе твое извѣстно сотвори.»* (2 Тим. 4, 2 и 5.)! Нѣнъ, рашуй, рашуй, раппикъ Слова! рашуй безбояспенно *«не внималоце Иудейскимъ баснямъ, ни заповѣднъ теловткъ»*

отвращающихся отъ истины!»! (Тим. 1, 14.) Но только, рапуя, помни заповѣдь, которой долженъ слѣдовать всякій раппикъ Слова истиннаго (2 Тим. 2, 22 и пр.):

«Похотей юныхъ бѣгай, держися же правды, впри, любви, мира, со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца. Буйхъ же и непаказанныхъ стяжаній отрицайся, вѣдый яко раждають свары; рабу же Господню не подобаеть сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учителну, незлобиву. съ кротостію наказующу противныхъ: еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины: и возникнутъ отъ діавольскія спти, живи уловени отъ него, въ свою его волю.»

Трудная заповѣдь, раппикъ! но — лишь исполненіемъ ея можешь «быть сосудъ въ гестъ, освященъ, и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое!»

НАЗНАЧЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Въ 101. No. Ergänzungsblätter zur Allgemeinen Literatur-Zeitung, издав. въ Галле, напечатанъ разборъ книгъ: 1) Lehrbuch der Metaphysik. Ein Versuch zur Begründung der Harmonie des Universums, von Michael Aschenbrenner. 1830. (Учебная книга Метафизики. Опытъ къ основанію гармоніи міра), и 2) Universalphilosophische Vorlesungen für Gebildete beiderlei Geschlechts извѣстнаго Круга. 1831. (Универсально-филос. чтенія для образованныхъ обоого пола.

Мы намекали какъ-то на успія Гербарша сдѣлать философію общимъ имѣніемъ. Воиъ сще попыпки. И это не всѣхъ соппи или пыскы въ Германіи. Эпъ только замѣчательнѣе.

Собственно уже и изъ заглавій можно судить объ означенныхъ книгахъ; но для сравненія образа мыслей нашихълюбомудровъ съ мнѣніями Господъ свящюносныхъ Германскихъ Профессоровъ, укажемъ на главнос:

Г. Ашенбренперъ утверждаетъ, что человекъ рожденъ бытъ — *Метафизикомъ*. Г. Кругъ увѣряетъ, что всѣ люди *рождены философами*, говоритъ, что Рационализмъ ведетъ къ вѣрѣ въ безсмертіе души, т. е., въ *правственное вѣчное Царство Божіе*, а упоминая объ улучшеніи училищъ, желаетъ, чтобы въ Германіи водворена была въ нихъ — *совершенная свобода*, volle Freiheit. А чтобы показати степень, на какой стоитъ самъ Г. Кругъ, упомянемъ только о томъ, что онъ, говоря о *кругломъ видѣ земли*, говоритъ, что для утвержденія существованія *подземнаго міра* (ада), не имѣется достаточнаго доказательства! Рай, адъ, міръ духовный и пр., говоритъ онъ, суть *фантасматическія гипотезы*. — Г. Кругъ знаменитый Профессоръ въ Лейпцигѣ. —

БАЙРОНЪ О БИБЛИИ.

На двадцатомъ году отъ роду (1808. года 21. Января) Байронъ писалъ къ какому-то Далласу, что онъ: «не приобщается, ибо не можешь вѣрить, что бы можно было послѣдовать небу, принявъ хлѣба и вина отъ какогонибудь викора (Священника).» А на тридцать седьмомъ году отъ роду шотъ-же Байронъ собственноручно написалъ въ своей библии:

«Въ святой сей книгѣ заключено,
Что всѣ загадки превозмогаешь!
О! счастливъ человекъ,
Обрѣтшій благодать предъ Богомъ —
Слушаешь здѣсь, читаешь, пророчества, молишься,
Смущаешься и входишь;
Тому же лучшебъ вовсе неродиться,
Кни, въ безуміи потерѣвшись, отвергаетъ се!» —

См. Біографію Байрона въ переводѣ сочиненій его на Нѣмецкій Д. Адрианомъ 1830 — 1832, или *Allgem. Lit.-Zeit.* издаваемую въ Галле 1832, No. 195.

Изъ переписки съ авторомъ книги:
О ПЕЧАТНИИ СВЯТЫХЪ МОЩЕЙ.

Издатель *Радуги*, оппнесишсь къ сочинителю означенной книги о доставленіи ему оной написалъ почтенному автору слѣдующее:

М. Г.

«Появленіе книгъ, подобныхъ изданной Вами о печатніи Св. Мощей, такъ рѣдко въ нашей пустынной — большаго частью лишь Бедунами новыхъ мудрованій, либо караванными путешественниками или торговцами императорами оглащаемой — Литературѣ нашей, что онѣ забытымъ въ пустыню сію опъ великаго крестоноснаго войска скипальцамъ, какъ вѣсьн изъ Иерусалима, оживительны и одушевительны. — Если бы Вы, М. Г., благоволили посѣдинть доставкою мнѣ Вашей книги, то я просилъ бы у Васъ позволенія, напечатать нѣкоторыя замѣчанія и, еслибы позволили, главныя положенія изъ оной въ издаваемомъ мною журналѣ. Съ искреннимъ почтеніемъ и пр.»

На это почтенный Г. Соснинъ, авторъ книги, написалъ издателю письмо, изъ котораго послѣдній, въ полной увѣренности, что авторъ извинилъ его за желаніе сдѣлать гласнымъ поучительное содержаніе онаго, слѣдующее почеть за полезное напечатать.

«Если Вы съ удовольствіемъ принимаете извѣстіе о появленіи новыхъ книгъ, подобныхъ изданной мною: то я боюсь, чибобы самое чтеніе моей книги не нарушило сего Вашего удовольствія, и не обмануло надежды Вашей видѣть въ ней, можетъ быть, что либудъ новое или необыкновенное. Предметъ ея однако не новый: онъ древнее, впрочемъ ни сколько не обесппавшее, какъ нѣкоторые ныне думаютъ, вѣрованіе нашей Церкви! Изложене ея простое, составленное болѣе въ простотѣ вѣрованія, нежели въ хитроспеси мудрованій, и поному для нѣкихъ, кои о предметахъ божественныхъ хотѣли мудровать по-человѣчески, думаю, неудовлетворительное. Для дунтъ, которыя истинно чувствуютъ себя какъ бы сиротами, коимъ нѣтъ пущишь, сочиненія сего рода суть подлинно какъ вѣсьн онѣ

Іерусалима, по выраженію Вашему: и то, что мною сказано въ настоящей книжкѣ, есть такъ же — хотя слабо и неполно, но вѣрно передаваемая вѣсть оныъ Іерусалима истиннаго, о томъ, что въ немъ издавна совершалось къ чести и славы сущихъ оныъ него, и что особенно съ такою величественностію совершается нынѣ. Можетъ быть сія вѣсть мною поажена пустымъ вымысломъ или произведеніемъ набожной мечтательности; а по выраженіемъ истинныхъ событий: но можетъ быть такъ же и то, что иной незнавшій, или не хотѣвшій звать о событіяхъ Сіонскихъ, увидитъ, что тамъ совершающія великія дѣла, повѣритъ имъ, и скорѣе пожелаетъ быть ближайшимъ ихъ зрителемъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ трудъ мой поспѣный, употребленный на объясненіе и подробнѣйшее раскрытіе исповѣдуемой нами Церковію истины, былъ бы впомъ и выше моего чаянія вознагражденъ.»

Послѣ сего анпортъ, изъявляя удовольствіе на желаніе издателя помѣститъ въ издаваемомъ имъ журналѣ замѣчанія на его книжку, или и извлеченія главныхъ заключающихся въ ней положеній, прибавляетъ: «будучи совершенно увѣрсизъ, что сіи замѣчанія будутъ безпристрастныя и благонамѣренныя,» и пр. «и вмѣстѣ прося Васъ, въ случаѣ, если въ нихъ что-либо будетъ далеко несогласное съ моими положеніями, и между тѣмъ и для меня, и для всѣхъ одинаково со мною вѣрующихъ, неудовлетворительное, позволитъ и мнѣ написать и прислать въ Вашъ же журналъ защищеніе, разумеется, составленное безъ нарушенія моего уваженія къ Вашему лицу и Вашей Церкви. И пр.

С. Петербургъ, 26. Декабря 1832.»

Замѣчаніе. Не новаго, не необыкновеннаго искали мы въ рѣдкой книгѣ Г. Соснина, а именно того, что въ ней заключаеца, того, чего въ наше время ищутъ многіе и на Западѣ и даже Синодальны, Герресы, Шеллинги, искали одушевительной вѣсти оныъ Іерусалима превысшеестественнаго, искали вѣсти не о

новой, а о старой, о вѣчной Испитѣ, вѣсти, которой подоб-
ныхъ такъ мало слышится въ вытѣшней романной Литературѣ
Русской, которой подобныхъ, кромѣ освежающаго духъ жур-
нала: *Христіанское чтеніе*, кромѣ альманаховъ, изданныхъ по-
койнымъ *Мансветовымъ*, историческаго альманаха, изданнаго
въ Москвѣ *К.ц.н.с.и.*, прехъ спашей, украсившихъ въ 1852 году
журналъ: *Сынъ Отечества*, именпо: 1) спашьи о распростра-
неніи Христіанства тогоже Г. Соснина, 2) спашьи объ обра-
захъ Правленія Г. М., 3) Рѣчи говоренной къ воспитанникамъ
второй С. Петербургской Гимназіи Г. Магистромъ, Священни-
комъ *Раевскимъ*; кромѣ путешествія къ Св. мѣстамъ и развѣ
немногихъ другихъ, — жаждущій духъ нигдѣ не найдетъ во
всей такъ самохвално шумящей Литературѣ нашей. — Напе-
чатаны нѣкоторыя, не возражательныя, а такія замѣчанія, ко-
торыя доказывали бы, что истинная небесная закваска *во всѣхъ*
трехъ лирахъ *иже* должна и можетъ быть одна и таже не-
бесная закваска, — предсказываемъ себѣ въ слѣдующемъ годо-
вомъ изданіи *Радуги*.

ИЗВѢСТІЕ.

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ Читателей Радуги, что не-
давно вышли въ свѣтъ стихотворенія А. Е. Грена, дославив-
шаго и въ Радугу нѣсколько стихотвореній. Книжка заключаю-
щая 50 разныхъ стихотвореній (о достоинствѣ которыхъ по-
тому ничего не говоримъ, что кришика книгъ не входитъ въ
составъ Радуги), продается у всѣхъ извѣстныхъ С. Петербург-
скихъ книгопродавцевъ по 3 рубли, — для пособія одной пог-
тенной, но блѣдной матери, обремененной девятю сиротами.

ОСТЬ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЛАТЫШСКІЯ СВАДЬБЫ.

У Латышей, такъ же какъ у Эстовъ, женихъ свашаеся принося шпофъ вина въ домъ невѣсты, и принятіе вина означаетъ согласіе родителей. Къ сговору присылаетъ женихъ мужика и бабу въ опредѣленный для того день. До прибытія ихъ дѣлающа въ домъ невѣсты разныя приготоовленія, и ставятъ между прочимъ на столъ большой жбанъ пива съ медомъ и водку. Со стороны невѣсты назначается мужикъ, который говоритъ съ ними о имени невѣсты, и баба. Какъ скоро явится женихъ, то одинъ изъ почтеннѣйшихъ мужиковъ выводитъ къ нему невѣсту въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвушекъ; передъ ней несутъ двѣ свѣчи, за нею также, не смотря на то, что все происходитъ днемъ; на головѣ у нея вѣнецъ, видомъ похожій на кровлю, украшенный слядою, чрезвычайно блестящій и

тяжелый и обыкновенно спóящій около 4 рублей серебромъ. Женихъ говоритъ ей, что пришелъ свѣдѣть, по которому дошелъ до ея дома. Выведшій къ нему невѣсту спрашиваетъ у него, чего жъ онъ ищетъ. Женихъ отвѣчаетъ, что ищетъ себѣ кого нибудь для мышья бѣлья, вязанія чулокъ и пр. Выведшій невѣсту говоритъ: Выбирай, здѣсь много дѣвицъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ женихъ, дай мнѣ самъ невѣсту! Тотъ исполнивъ его желаніе, и послѣ этого выступающій назначенный говоритъ за нее передъ женихомъ, и въ крапкой и довольно связной рѣчи спрашиваетъ жениха, будетъ ли онъ жить съ нею порядочно и приспойно, будетъ ли кормить, любить ее и пр. Женихъ все это обѣщаетъ. Послѣ сего женихъ и ораторъ невѣстѣ подающъ другъ другу руки въ удостовѣреніе, а шрепшій мужикъ тихо ударяетъ по соединеннымъ рукамъ. Послѣ этого сажаютъ невѣсту за столъ. Обѣ бабы, одна назначенная со стороны невѣсты, другая со стор. жениха, берутъ жбанъ съ пивомъ и медомъ и пьютъ, попомъ ѣсть невѣста, выведшій ее, говорившій за нее, женихъ, а потомъ всѣ присутствующіе. За симъ всѣ подающъ другъ дружкѣ руки; только уже не голые, а покрывая ихъ платкомъ. Невѣсту опять выводятъ изъ-за стола, только уже съ другой стороны; снимающъ съ нея тяжс-

лый вѣнецъ, навязываютъ ей на голову ленну, и снова приводятъ къ столу, и тутъ всѣ садятся обѣдать.

Свадебный пиръ совершается обыкновенно спустя два три послѣ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываетъ у жениха двое друзей, въ другихъ только одинъ. У дружки перевязанъ черезъ одно плечо кушакъ, черезъ другое бѣлый плашокъ; у жениха сверхъ того на плашку навязана шелковая ленна. Женихъ обыкновенно бываетъ одѣтъ въ свадебный кафтанъ изъ сѣрой и синей шерсти. Шпаги не вездѣ употребительны. Свадьба начинается въ невестиномъ домѣ и продолжается цѣлый день, иногда и два, и во все это время съ нея не снимаютъ вѣнца. Послѣ этого отводятъ ее въ домъ жениха. У Лапышей не прячутъ невесту во время прибытія гостей и не закупаютъ ее, когда она отправляется въ домъ жениха. Поѣздъ отправляется ночью; изъ далека можно узнать при сіяніи мѣсяца невесту по блестящему вѣнцу. — Всѣ родосивенники невестины ѣдутъ впередъ верхами попарно; невеста сидитъ на колыняхъ у свекрови, или у другой какой женщины, принимающей это имя; родосивенники жениха слѣдуютъ за нею. Когда поѣздъ придетъ довольно близко къ дому, то двое изъ послѣд-

нихъ поспѣшающъ впередъ для встрѣчи невѣснѣ и готовящся снять, ее съ саней или съ повозки, чего однакоже она никакъ не можетъ допустить, должна проворно сама спрыгнуть. По прибытіи поѣзда спрѣляютъ. Свекровь надѣвается на невѣсту чепецъ и даетъ ей оплеуху, которую она впрочемъ попічасъ же съ довольною силою передаетъ жениху. Тутъ въ первый разъ она должна представлять хозяйку, нести хлѣбъ на столъ и подавать гостямъ водку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при надѣваніи чепца кидаютъ ей, по Эстонскому обычаю, дичя на колѣни. По совершеніи всего этого, опводятъ невѣсту и жениха въ холодную клетъ, даже при сильнѣйшей стужѣ; но черезъ нѣсколько минутъ вызываютъ опять. Тутъ подающъ имъ ведро съ водою; они умываются и попомъ кидаютъ другъ дружѣ по плашку вмѣсто упиральниковъ. Одинъ изъ гостей попічасъ опрокидываетъ ведро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подаютъ два ведра, изъ которыхъ одно опрокидываетъ ногою женихъ, а другое невѣста: кто при этомъ окажется проворнѣе, того признающъ прилежнымъ работникомъ. Женихъ переламываетъ попомъ шестъ, который держатъ за концы два мужика, что по увѣренію ихъ значить, что если кто произведетъ не-

согласіе между новобрачными, попѣ, также какъ эпопѣ щестѣ, будещѣ передомленѣ.

ЗАДАЧИ
ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на 1833 годѣ.

Отъ Богословскаго Факультета повторяется задача прошедшаго года: «Показать различіе между Гомиласпикою и Рипорикою,» и предлагается новая: «Показать изъ символическихъ книгъ *фундаментальный членъ*, или *основное начало Евангелической Церкви*, изъ котораго по внутренней связи должны происпекать всѣ прочія различія оной съ Римско-Католическою Церковью.» Гомилипическою задачею повторяется прошлогодняя: «проповѣдь на Іоа. гл. 20, ст. 24 — 31.» При равномъ достоинствѣ отдается преимуществу проповѣди написанной на Лапышскомъ или Эстонскомъ Языкѣ предѣ Нѣмецкими.

Отъ Юридическаго Факультета: «Какое вліяніе имѣла десятилѣпняя давность Русскаго Права на давность по Праву Провинціальному; изложишь вкратцѣ ученіе о давности по особенному Праву той Остѣ-Зейской Провинціи, къ кошорой принадлежишь авторъ; потомъ изложишь десятилѣпнюю давность по Россійскому Праву, и наконецъ представишь, что, по введеніи послѣдней, осталось отъ стараго Права въ Провинціи и что опмѣнено или измѣнено.»

Отъ Медицинскаго Факультета: «Въ какомъ отношеніи, по анапомическимъ, физиологическимъ и патологическимъ основа-

ніямъ, находящаяся между собою чувства, въ отношеніи къ появленію ихъ, развитію, взаимнымъ дѣйствіямъ и исчезанію ихъ, и какъ относятся каждое изъ нихъ къ соматической и психической жизни?» —

Отъ перваго и третьяго отдѣленія Философскаго Факультета: «Обозрительное изложеніе главныхъ истинъ аналитической Механики.»

Отъ втораго и четвертаго отдѣленія Философскаго Факультета: «Какъ можно возвысить Сельское Хозяйство въ Осмъ-Зейскихъ Провинціяхъ? Что препятствуетъ сему возвышенію и какъ могутъ быть препятствія устранены или преодолены?» —

Имена благоволившихъ подписаться на Радугу на 1855й годъ будутъ напечатаны въ I. книжкѣ. —

При семъ издатель проситъ покорнѣйше Читателей благосклонно извинить его за то, что годъ Радуги вышелъ нѣсколько длиннѣе обыкновеннаго года, (хотя впрочемъ и не длиннѣе нѣкоторыхъ подобныхъ годовъ и не началъ противоположенно втораго печенія, не окончивъ перваго, какъ то случилось съ годами повѣйшаго столія.) — Въ текущемъ году онъ приложитъ должное стараніе, что бы книжки выходили безъ замедленія. —

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 12. Januar 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

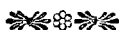
Regierungs-Rath Baron v. Rossillon,
Censor.

Содержаніе Радуги:

Свидѣтельства лзычниковъ о Иисусѣ Христѣ	Стр. 807
Замѣчанія на отрывки Г. Ястребцева	814
Различіе между Епикурейскою мудростію и Стои- ческою и Христіанствомъ	829
Карлъ Нодьё	852
Романъ	843
Что есть любовь?	844
Гекимъ-Баши Дмитрій	845
Сужденіе Локка объ умственномъ воспитаніи	855
Мужикъ, собака и лошадь. Басня.	859
Раппинкъ	860
Назначеніе чловѣка	864
Байронъ о Библіи	865
Изъ переписки съ авторомъ книги: о неплыніи Священныхъ мощей	866
Извѣстіе	868

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

Лапышскія свадьбы	Стр. 869
Задачи Дерпшскаго Университета на 1835 годъ	875

Журнала сего выходить ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 3хъ до 6ти печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, *съ пересылкою*:

на веленовой бумагѣ	- - -	30 руб. асс.
— простой	— - -	24 — —

для Казенн. Училищъ

на простой бум.	. . .	18 — —
-----------------	-------	--------

безъ пересылки:

на веленовой бумагѣ	. . .	25 руб. асс.
— простой	— . .	20 — —

Серебро и золото считается по установленному или по объявляемому въ Газетахъ курсу.

Подписка принимается въ Москвѣ въ Конторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Гг. Изгородные благоволятъ также относиться въ Ревель на имя издателя Андр. Иван. Бюргера.